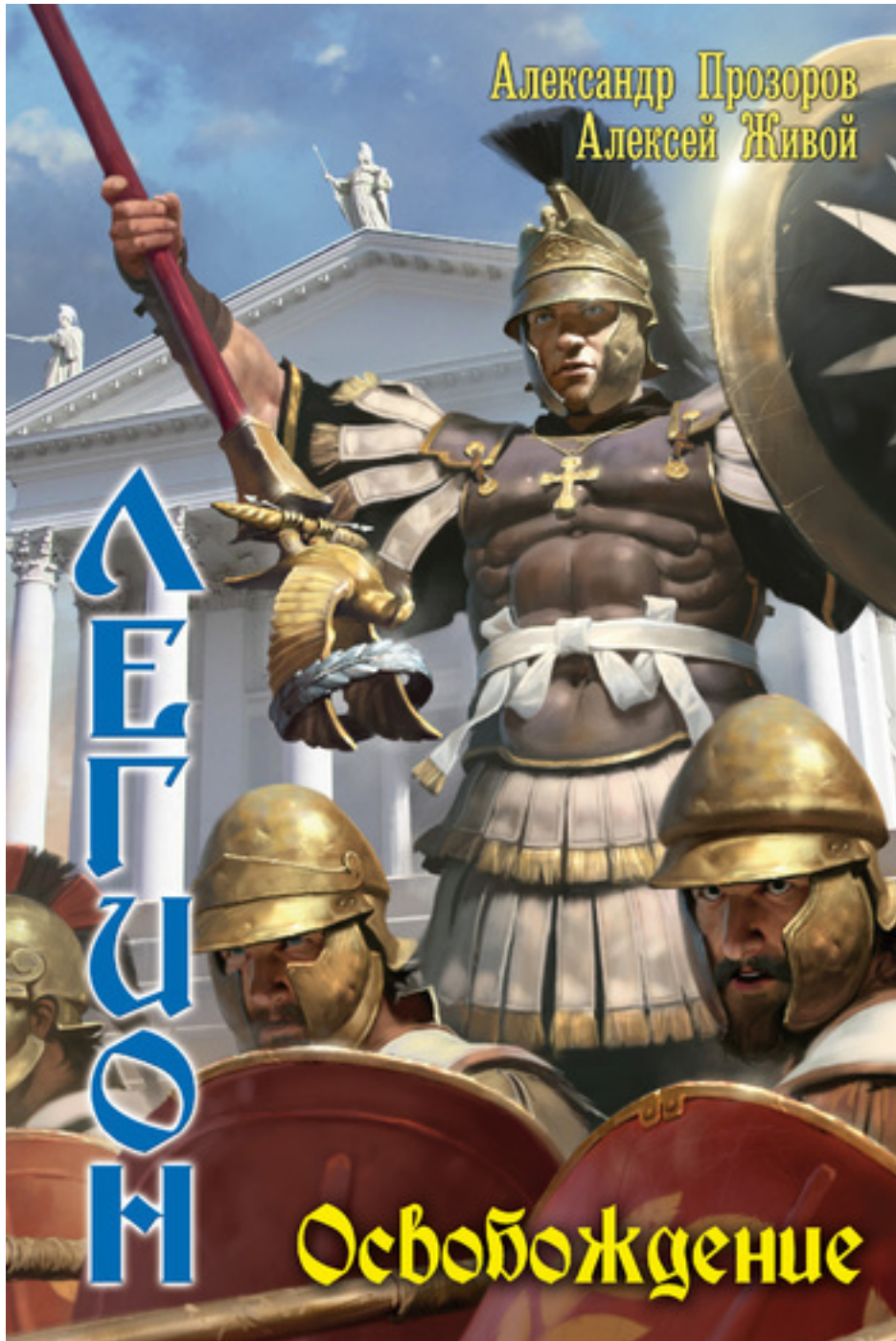

Александр Прозоров
Алексей Живой

ЛЕГИОН

Освобождение

Легион

Александр Прозоров

Освобождение

«Автор»

«Автор»

2011

Прозоров А. Д.

Освобождение / А. Д. Прозоров — «Автор», «Автор»,
2011 — (Легион)

Разделавшись с Римом, армия Карфагена приходит на помощь войскам Филиппа Македонского, который предпринял мощное наступление на греческие полисы. Федор Чайка и «задержавшийся» в Италии Леха Ларин в составе экспедиционного корпуса направлены в Грецию. Они успевают прибыть к началу главного сражения и участвуют в походе на Пелопоннес. Вскоре с севера вторгаются орды Иллура. Объединенное войско покоряет все греческие полисы, осадив и захватив Афины. Остатки флота афинян бегут в Малую Азию, где ищут покровительства Селевкидов. Воспользовавшись этим, Ганнибал начинает вторжение в Азию. Союзные армии, при поддержке мощного флота, переправляются через Геллеспонт и начинают победоносное наступление в глубь империи Селевкидов. Друзья находятся на острие атаки, но они не знают планов Ганнибала и даже не подозревают, что на этот раз готовит им судьба.

© Прозоров А. Д., 2011

© Автор, 2011

© Автор, 2011

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	20
Глава четвертая	27
Глава пятая	34
Глава шестая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Алексей Живой, Александр Прозоров

Освобождение

Глава первая «Античная революция»

Утренний воздух был еще чист и прозрачен, несмотря на то, что близился жаркий полдень. Взгляд Федора медленно скользил вдоль песчаных дюн, начинавшихся сразу за линией коричнево-красных скал, с обеих сторон защищавших гавань Брундизия. Заметив движение в небе, он поднял глаза и увидел стайку птиц, с криками пересекавших береговую линию по воздуху. Птицы летели из Италии в сторону моря.

– В Грецию подались, – усмехнулся Федор, прикрыв ладонью глаза от солнца, – значит, нам с этими пташками по пути.

Он смотрел еще некоторое время вслед удалявшимся птицам, а затем обернулся, привлеченный необычным шумом, возникшим у него за спиной. В гавани полным ходом шла погрузка армии на корабли. Припасы и полевую артиллерию уже почти разместили. Только что из специальных конюшен на берег привели десяток слонов, но огромные животные выглядели недовольными. Их рев напугал охранников, выстроившихся вдоль пирсов. Животные поводили из стороны в сторону массивными головами, тряся ушами, словно опахалом, и едва не задевая солдат окованными медью бивнями. Один слон даже проломил сходни, едва ступив на них, и чуть не рухнул в воду с высокой каменной насыпи вместе с погонщиком. Но, вмешательство широкоплечего офицера-ливийца, настолько сильного, что кожаная жилетка едва не лопалась у него на спине от бугрившихся мышц, спасла дело. Он крикнул что-то слону, кольнул его короткой пикой в бок и слон присмирел, быстро попятившись назад. А там, в нескольких метрах от края, ливиец уже спокойно приблизился и погладил его по хоботу, ласково нашептывая что-то в огромное ухо животного.

Напрягшийся было Федор, тут же успокоился. Это был Исмек, погонщик слонов, прошедший с ним долгий путь от восточного побережья Карфагена к самому городу, а после его взятия, к Риму. Теперь же он был здесь, в Брундизии, вместе со своими слонами.

Экспедиционный корпус под командой Федора, включавший в себя восемь тысяч отборных ливо-финикийских пехотинцев, две тысячи кельтов, полевую и осадную артиллерию, а также двадцать две квинкеремы, не считая грузовых кораблей, должен был отплыть отсюда в сторону Греции в ближайшие дни. Ганнибал торопил. Конницу должны были предоставить македонцы, только что сломившие последние очаги сопротивления в Эпире и Акарнании. Побережье по ту сторону пролива теперь было почти полностью очищено от войск, настроенных против армии нового властителя Италии. Последние корабли с пехотой царя Филиппа, принимавшей участие во взятии Рима, отплыли отсюда еще четыре месяца назад.

В свете последних событий дел у них хватало и в Греции. Эпир был окончательно сломлен и представлял собой отличный плацдарм для наступления вглубь материковой Греции, чем собственно Филипп уже давно занимался, пытаясь в одиночку одолеть силы Этолийского союза, вставшие на его пути. Но, получалось это у него с большим трудом. Победа над мощным Эпиром далась не просто. Македонский царь, израсходовав большую часть своих сил, провел ряд безуспешных попыток в одиночку захватить Ферм, столицу Этолии, поразив союз в самое сердце, но потерпел сразу несколько поражений от яростно защищавшихся союзников и счел за благо приостановить наступление до подхода военной помощи, которую обещал ему Ганнибал. Царь Филипп отошел назад, охватив Этолию с севера и запада по границам вдоль

реки Ахелой, для чего пришлось, расположить свои измотанные непрерывными боями войска частью на территории захваченного Эпира и частью в Акарнании, с некоторых пор входившей в Эллинский союз, созданный самими македонцами.

Прошло не больше полугода со взятия Рима, и Федор, перебравшийся вместе с семьей вслед за Ганнибалом в Тарент, остававшийся пока столицей Италии, уже скучал по новым походам, хотя и порядком устал от войны. И вот новый поход начался. Собственно, пока войска Карфагена, освобожденного от власти сената, штурмовали Рим, война в Греции шла с неослабевающей силой. Да и разгорелась она, как мог припомнить Федор, лет десять назад, если считать ее началом последнюю вспышку свободолюбия эллинов. Македония, как одна из наследниц великой славы царя Александра, и тогда еще дралась с Эпиром, войсками Этолийского и Ахейского союзов, Спартой и Афинами за подтверждение своих прав гегемонии над всеми греками, которые эту власть признавать над собой никак не хотели. Македонцы вступали в сговор и союзы то с одной частью греков, чтобы ослабить других, то резко меняли курс. В общем, война в Греции шла без конца, с переменным успехом и непрерывным кровопролитием.

Федор, в силу своего участия в военных делах Карфагена, вынужден был разбираться в политике, хотя и не любил этим заниматься. И сейчас он искренне пытался разобраться в хитросплетениях всевозможных союзов, в которые объединялись большие и малые греческие полисы, чтобы хоть как-то защититься от наседавших со всех сторон захватчиков. Впрочем, союзы эти регулярно грызлись и дрались между собой, даже если и не было никакой внешней угрозы. Поэтому главным здесь оставался вечный вопрос, – «Вы против кого дружите?», – на который Федор пытался сам себе ответить, читая донесения разведчиков из-за моря о том, что происходило в Греции.

Получив приказ Ганнибала возглавить поход в Грецию в исполнение союзнического долга, Чайка принялся его выполнять, подготавливая армию к переброске через пролив, благо свободных ресурсов теперь у пунов было предостаточно. Основной целью похода был разгром войск Этолийского союза, хотя Ганнибал в приватной беседе намекнул Федору, что после разгрома этолийцев, он может получить новые инструкции.

– Мы разделались с Римом, – наклонившись над картой, проговорил Ганнибал, задержав его и Атарбала в своей резиденции после военного совета, на котором решались первые шаги новой империи, – и теперь у нас нет врагов в Италии.

Отпив вина, он некоторое время молчал, а затем закончил свою мысль.

– А греки слишком беспокойный сосед, чтобы Карфаген, веками боровшийся с ними за господство на море и на суше, оставил их в покое. И они это знают.

Ганнибал поднял свое загорелое и обветренное лицо, обводя взглядом присутствующих.

– Мы поможем Филиппу в его войне, как он помог нам. Тебе, Федор я поручаю организацию похода. Возьмешь восемь тысяч пехотинцев у Атарбала, добавишь к ним кельтов из лагеря у Тарента, метательные орудия и столько кораблей, сколько потребуется. Если не хватит, попросим помощи у Сиракуз.

– Насколько я знаю, – выказал осведомленность Федор, – эскадра Евсида уже патрулирует воды Эпира.

– Это так, – кивнул Ганнибал. – Сиракузы не хотят оставаться в стороне от того, что происходит сейчас в Греции, хотя и вряд ли будут помогать нам где-либо кроме морских операций.

Федор бросил косой взгляд на Атарбала, умудренного опытом военачальника африканцев, у которого забирали большую часть его армии, но тот и бровью не повел. Он даже не задал вопроса, почему Ганнибал отправляет на покорение греков не его. Впрочем, эта операция не выглядела столь масштабной, как наступление на Рим. Земли Этолийского союза занимали от силы четверть материковой Греции, в основном в ее центральной части, по берегам Коринфского залива. Еще треть занимали земли Ахейского союза и Спарты. Остальные принадлежали Афинам и более мелким полисам, не присоединившимся пока ни к кому.

– А после того, как мы вместе разобьем этолийцев, – осторожно поинтересовался Федор, – мне следует вернуться назад, или задержаться в Греции?

– Рад, что ты не сомневаешься в быстрой победе, – хитро усмехнулся Ганнибал, – но, греки понимают, что эта война может стать для них последней. Филипп хороший воин, но ему пока не удалось в одиночку сломить этолийцев.

– С нашей помощью он их одолеет, – уверенно заявил Федор, и вновь вопросительно взглянул на верховного главнокомандующего.

Тот правильно понял его настойчивый взгляд, но рассказал лишь часть правды, сообщив, впрочем, главное.

– Никто не знает, как повернется эта война, – заявил Ганнибал, указывая на карту, и нехотя пояснил. – С севера вдоль моря продвигается Иллур, сдержать которого я уже не в силах. Он слишком не любит греков. Когда Иллур разобьет оставшиеся армии ближайших греческих колоний, то Филипп пропустит его сквозь свои прибрежные земли и очень скоро скифская конница будет в Фивах. Ахейский союз на Пелопонессе, испугавшись переворота в Спарте, переметнулся на сторону македонцев, и пока будет воевать за нас, но, это ненадолго. Грекам доверять нельзя. Афины не идут на контакт, но и без того ясно, что они не согласятся жить под моей или властью Филиппа добровольно. Поэтому, после победы ты, Чайка, некоторое время останешься в Греции со своими солдатами.

Ганнибал разогнулся в полный рост и добавил.

– До получения новых приказов.

– Я разобью греков и буду ждать их, – поклонился Федор, от которого не ускользнули истинные намерения Ганибалла. Впрочем, Великий Карфагенянин и не слишком-то их скрывал. По всему было видно, что он желал покарать греков за долгие годы сопротивления финикийцам и соперничества. Везде: на море и на суше. Впрочем, как далеко собирался зайти Ганнибал, Чайка до конца не мог понять. Да ему и не следовало этого делать. Он по-прежнему служил Ганнибалу, который мог послать его на войну с кем угодно.

После взятия Рима, главной наградой для Чайки стало спасение семьи, с которой он вновь воссоединился. Юлия и, быстро повзрослевший за время томительного плена, Бодастарт, некоторое время жили в Таренте в новом особняке, который Чайка получил в дар от Ганибалла, поскольку в старый дом Юлия отказалась возвращаться наотрез. Слишком памятливы были страдания, пережитые здесь. Особняк, почти восстановленный Федором заново, в надежде на возвращение семьи, пришлось продать. Впрочем, Чайка не жалел об этом. С имуществом у него теперь было все в порядке и даже слишком.

Кроме счастья видеть семью, после взятия Рима ему кое-что перепало и от главнокомандующего, нового тирана Италии, Испании, Карфагена и большей части Сицилии в благодарность за подвиги. Когда Федор, вернувшись в Тарент с Юлией и Бодастартом, перечитал все дарственные, врученные ему накануне отъезда от лица Ганибалла через специальных посланников, то даже присвистнул от удивления, не в силах быстро охватить разумом масштаб поистине царских подарков.

Во-первых, новый тиран пожаловал ему в собственность и вечное пользование не только новый особняк в Таренте, вблизи от своего дворца, но и несколько италийских городов. Вернее, сразу четыре, – Турий, Регий, Локры и Кротон. Все города находились на территории бывшей римской провинции под названием Бруттий, занимавшей «носок и подошву сапога» на карте Италии. Федор назначался также куратором этой провинции со всеми вытекающими обязанностями. Этот царский подарок разом возносил его в ранг крупных землевладельцев. Подумать только, ему теперь принадлежала целая область, и не маленькая, по здешним меркам, область. Земли Бруттия граничили по суше только с гористой Луканией, со всех остальных сторон они омывались водой Ионического и Тирренского морей, а дальним концом почти упираясь в Сицилию. От крайнего восточного города области Турия до Тарента было рукой

подать, – только залив переплыть. Да и по суше не далеко. Похоже, Ганнибал не хотел отпускать своего любимца дальше, чем на полдня пути.

– Вот бы Квинт удивился, – криво усмехнулся Федор, вспомнив ершистого рыбака из Бруттия, вместе с которым делал свои первые шаги по италийской земле в составе римского легиона, – если бы дожил, конечно. Весь его родной Бруттий теперь мой, включая рыбацкие деревеньки. Ну, ничего, я о них позабочусь.

Однако, это было еще не все. За проливом, на Сицилии у Федора тоже были земли, описанные ему еще до похода на Карфаген. Теперь же Ганибалл удвоил их территорию, так что и на густонаселенном острове Федор мог считаться крупным землевладельцем, чье поместье располагалось неподалеку от города Панорма.

Отложив все прочитанные дарственные, Чайка с опаской взялся за последнюю, даже не представляя, что еще приготовил для него Ганнибал. С минуту он сидел на скамье, поглядывая на свернутый и запечатанный папирус и не находя в себе сил его вскрыть. Наконец, он все же осмелился сломать печать, – собственная область, почти своя страна, у него уже была, чего еще бояться, – и прочел о том, что Ганнибал возвращает Федору Чайке все его владения в Карфагене и прилегавших землях, которыми он пользовался еще во времена власти свергнутого сената. А сверх того, Ганнибал дарил ему три военных корабля, – быстроходные триеры, – и пять торговых судов, «приписанных» пока к гавани Карфагена. Содержание экипажей и кораблей этого флота теперь полностью лежало на новоиспеченном судовладельце.

– И что мне со всеми этими кораблями и землями делать? – недоумевал новоиспеченный плантатор.

Впрочем, он не зря провел столько лет жизни в самом богатом торговом городе Обитаемого мира среди финикийских купцов, а они были лучшими. Гены жителей Карфагена, возникшего в силу торговой экспансии далекой Финикии, сказывались и на нем, хотя Федор Чайка был рожден очень далеко отсюда.

«Надо будет приказчика толкового разыскать, – вспоминая канувшего в безвестность Акира, заработала его военная голова, обдумывая, как бы использовать с выгодой для семьи свой новый флот, – да людей торговых набрать ему в помощь и подрядить их на какое-нибудь долгое прибыльное дело. Можно масло оливковое возить из Африки и туда что-нибудь полезное завозить, такни, кувшины, или что еще... Хлеб, например из Скифии, у Иллуря покупать по знакомству. Греки, вон, отродясь себя без завоза зерна прокормить не могут. Все в Крым плавают. А мои пять торговых кораблей товаров много смогут перевезти. В придачу с тремя военными можно и целый караван соорудить в далекие земли. Самому-то этим заниматься будет некогда. Воевать надо».

Федор даже позабыл о текущих делах, – такие перед ним разворачивались перспективы. Мысленно он уже наладил торговлю с заморскими странами. «Ладно, – одернул он себя, – пора и войной заняться. А, война, выходит все же прибыльное дело, хоть и опасное».

Впрочем, еще некоторое время он посветил своему новому имуществу, во владение которым еще нужно было вступить, потратив на это массу сил и времени. Рассказав все жене, он неожиданно получил поддержку от Юлии и был тому очень рад. Юлия, у которой была врожденная деловая хватка, – все-таки дочь сенатора, – вместе с ним взялась за дело, объехав все города Бруттия, в которых должен был показаться их новых хозяин. Она просто утонула в делах и быстро помогла Федору найти многочисленных помощников среди управленцев, купцов и торговых людей разного сословия. Глядя, как его жена занялась делами, забыв обо всем, Федор в тайне бал рад тому, что она за заботами стала забывать о своих переживаниях в плену и, особенно о последних днях в Риме. Тогда на ее глазах собственный отец, – Марк Клавдий Марцелл, – едва не зарезал ее сына. К счастью Юлия лишилась чувств не в силах вынести это и не видела, как Федор был вынужден убить ее отца.

Но, Бодастарт все видел. И по его глазам Чайка понял, – сын полностью его одобряет. Он был еще мал ростом, но все понимал и ненавидел своего деда, как взрослый человек. Тогда он был похож на затравленного связанного волчонка. Отпусти, – укусит. В тот день, поймав его холодный и совсем не детский взгляд, который Бодастарт бросил на тело убитого Марцелла, Федора уверился насчет будущего своего сына. Чайка мгновенно осознал, что Бодастарт не пойдет ни в священники, ни в торговцы, – он будет воином. Как и отец.

Впрочем, теперь, оказавшись владельцем небольшой провинции, нескольких городов и собственного флота, Чайка несколько усомнился в своих первоначальных выводах. «Хотя, торговля – та же война, – успокоил он себя. – Поживем, увидим».

Ознакомившись с ресурсами своих городов, Чайка быстро уразумел, что его личный флот в Карфагене это лишь приятное дополнение к колоссальным возможностям, которые перед ним открывались здесь. В Италии и Сицилии. Конечно, Ганнибал возложил на него и все обязанности по управлению землями и сбору налогов с городов, но Федора, перед которым капитулировал даже сам Рим, такая перспектива не пугала. Он был уверен, что справиться с управлением Бруттием не хуже самого Ганнибала или кого-нибудь из его знаменитых братьев. Кроме всего остального, на Чайке теперь лежала и обязанность выставлять определенное количество воинов от своей провинции, а также кораблей. Как военных, так и торговых. Ибо все города в его владениях были портами и не самыми мелкими. Чего стоил Регий, – одна из ключевых баз военного флота Карфагена, – расположившийся на южной оконечности Италии, аккуратно напротив Сицилии. Обычно там находилось не меньше дюжины квинкерем и еще стая из двух десятков триер. Такими силами можно было блокировать пролив между Италией и Сицилией на случай внезапного нападения врагов, причем без помощи Сиракуз.

Флот стоял и в соседних Локрах и даже в Кротоне, но уже всего по несколько кораблей в каждом городе, лишь для охраны своих берегов. Поскольку чуть дальше на восток находился Тарент, в котором тоже имелась внушительная группировка кораблей. Ведь там, как ни крути, находилась столица новой империи. Во всяком случае, за последнее время никакой информации о переносе столицы в другой город или возвращении Ганнибала в Карфаген не поступало. Он по-прежнему обитал в Таренте, там находился его главный штаб, в самом городе и его окрестностях было расквартировано много войск.

Перенос военных действий на новый плацдарм, в близкую Грецию, ничуть не пугал нового тирана. Он привык жить на войне. И, похоже, не собирался из-за такого пустяка как возможность ответного нападения греков по морю, переносить свою ставку вглубь Италии, Карфаген или еще дальше. За морем, в Африке, отлично управлялся его брат Гасдрубал, который после победы над сенатом, восстанавливал и укреплял провинцию, обосновавшись в городе предков. А сам Ганнибал, едва растерзав римские легионы, уже посматривал на восток в сторону Греции.

Несмотря на то, что больше всего войск и купцов находилось в Регии, Чайка решил основать свою ставку в Кротоне. Рассудив, что отсюда одинаково близко и до Тарента, и до Регия, то есть почти до Сицилии. Да и городок был потише, чем остальные, хотя укреплен совсем не плохо. Его окружали мощные стены, а сам Кротон стоял на скалистом возвышении. При нападении с моря здесь было легко укрыться или уйти по дороге через горы в Тарент. Едва приняв такое решение, Федор занял один из пустовавших особняков какого-то римского сенатора, с террасы которого открывался отличный вид на море, и начал принимать местных купцов и военных, спешивших теперь к нему в Кротон с донесениями. Юлия поселилась здесь же, последовав за мужем и с легким сердцем оставив Тарент. У нее здесь тоже образовался собственный «штаб», – масса купцов и приказчиков, на которых были возложены заботы о неимоверно разросшемся имуществе семьи Чайка, – прибывали сюда с отчетами или за советом. Юлия взяла на себя все заботы об этом гигантском хозяйстве, окружив себя массой советников, и, надо сказать, неплохо справлялась. Даже флотилию торговых судов она приказала

перегнать сюда в Кротон под охраной собственных триер, тотчас по прибытии снарядив их в плавание к берегам Испании за товарами.

Чайка и сам не упускал собственные дела из вида, уделяя им время сразу после государственных, но был рад, что его участие здесь могло сводиться к минимуму. Из сенаторской дочки вышла настоящая «королева», управлявшаяся в своем новом «королевстве» так, словно родилась с короной на голове. И когда пришел час начинать новую войну и Ганнибал призвал его к себе в Тарент, объявив об этом, Федор мог спокойно оставить Бруттий и не беспокоиться за свои тылы. Поцеловав Юлию и взрослевшего на глазах сына, он отбыл сначала в Тарент, а оттуда в Брундизий, где начал готовить армию к новой экспедиции. За прошедшие после приказа двадцать дней, он лишь однажды смог вырваться в Кротон по делам службы. Разделавшись с делами, он, конечно, посетил Юлию, подарившую ему такую жаркую ночь любви, что Чайка до сих пор вспоминал о ней, с тоской поглядывая на прибрежные скалы. Они закрывали от него сейчас далекий Кротон, а Федор словно надеялся разглядеть его с такого расстояния, с грустью понимая, что уже завтра он двинет всю свою армию в поход и не знает, когда вернется домой.

Также не очень радовала его разлука с друзьями. Урбал, проявивший себя хорошим полководцем, остался в Карфагене после его освобождения от власти сената. Он теперь был почти что правой рукой Гасдрубала и ему прочили большое будущее. Летис ставший, наконец, из рядовых героев командиром спейры служил неподалеку от Тарента. И Федор рассчитывал его взять с собой в новый поход, если его хилярхию не отправят раньше на выполнение другого задания.

Чтобы отогнать эти тоскливые мысли, Федор вернулся с пирса на свой флагманский корабль, уединился в кубрике, навис над картой Греции и погрузился в размышления о предстоящих сражениях. Информации о том, что происходило в Греции, собранной для него шпионами, было столько, что голова отказывалась ее принимать.

Самой потрясающей новостью для Федора, раньше в силу собственных проблем не обращавшего внимания на события, происходившие на Пелопонессе, было то, что случилось на последние пятнадцать лет в Спарте. А эти события заслуживали самого пристального внимания. Ведь именно они заставил Ахейский союз, до того яростно сражавшийся против македонцев «за свободу эллинов», предать свои идеалы и перевернуться на сторону лютых врагов.

Когда Федор узнал, что подвигло ахейских стратегов на такое предательство собственных интересов, то был сильно удивлен, если не сказать потрясен. Он находился в этом времени уже много лет, перенесшись по чьей-то воле в самую гущу событий Второй Пунической войны, лишь недавно закончившейся на его глазах и совсем не так, как писали в учебниках. Он был тому не только сторонним свидетелем, но и самым активным участником. Кто знает, не случись здесь Федора Чайки и Лехи Ларина в самый переломный момент, может все вышло бы иначе. Может и Рим еще стоял бы, гордо потрясая оружием, а не лежал бы теперь холодным пеплом на семи холмах.

Но, как недавно узнал Федор, такой же переломный момент и, буквально, в то же время случился и для другой, не менее известной в античном мире страны, чем Карфаген. Эта страна называлась Спарта. Превратившись согласно заветам Ликурга¹ в огромный военный лагерь,

¹ **Ликург** – полубогатая личность, которой приписывается введение новых суровых законов, с которого началось отмежевание Спарты от стиля жизни остальных греков. К 676 году до н. э. относится «Большая Ретра», – самый ранний документ архаической Греции, условно содержащий запись Законов Ликурга. До этого времени Спарта не сильно отличалась от остальных греческих полисов, но уже к 5–4 веку до н. э. она превратилась в «военный лагерь». Согласно Плутарху, Ликург изменил не просто отдельные законы, а преобразовал все государственное устройство и, внедрил в общество совершенно иной образ жизни. Он осуществил передел земли, чтобы добиться всеобщего равенства граждан (не зря спартанцев называли гомеями, – т. е. равными), и наделил каждого из них равным участком земли, чтобы изгнать зависть, злобу и роскошь, а также богатство и бедность. Ликург «изгнал» деньги. Он вывел из употребления всю золотую и серебряную монету, запретил «бесполезные» ремесла и торговлю. С его именем связана и система спартанского воспитания. Воспитательный процесс был непрерывным, и продолжался даже в зрелые годы.

она не одну сотню лет производила лучших в Греции воинов и наводила ужас на соседей своей военной мощью. Спарта устояла против нашествия персов и даже добилась гегемонии надо всеми греками, унизив Афины. Правда, теперь все эти победы, основанные на заветах Ликурга, были в прошлом. Даже для современной Греции порядки в Спарте, основанные на законах пятисотлетней давности, выглядели архаическими. И ее правители понимали это все лучше и лучше. Держаться бесконечно только на традициях и одной силе гоплитов, пусть и великолепных, но немногочисленных воинов, никак не развивая страну, было невозможно. За последнюю сотню лет Спарта проиграла много сражений, больно ударивших по ее самолюбию. Пелопонесский союз распался, от нее отошла плодородная Мессения, служившая постоянным источником провианта и рабов. Восстания илотов в самой Спарте следовали одно за другим и вот, наконец, гром грянул.

Примерно пятнадцать лет назад от того дня, как Федор читал донесения своих шпионов, в Спарте произошел переворот. И все бы выглядело не так страшно для соседей, будь это простая грызня между претендентами на престол. Но, спартанский царь Клеомен Третий, взойдя на престол униженной страны повел себя совсем не так, как это делали до него все цари Спарты. Вместо того, чтобы защищать незыблемость заветов Ликурга, он в одночасье круто изменил жизнь своих соплеменников, объявив, что Спарта отныне отказывается жить согласно древним традициям, которые связывают ее по рукам и ногам.

Первым делом, пока никто не опомнился, царь приказал перебить всех эфоров, что и было сделано его воинами незамедлительно. Спартанские гоплиты ночью врываются в дома знатных мужей Спарты и убивали их в своих постелях. Наутро страна проснулась другой. Институт власти, сильно урезавший царей в правах и окрепший почти за семьсот лет настолько, что ни один спартанский царь не мог без разрешения эфоров и пальцем двинуть, в одночасье перестал существовать.

Чтобы успокоить разволновавшихся старейшин, не являвшихся эфорами, и простых граждан-землевладельцев, новый царь простил им все долги. А затем Клеомен Третий дошел в своих реформах до такого, отчего вся Греция вздрогнула. Чтобы успокоить илотов, притесняемых сверх меры, и прекратить восстания рабов, царь обещал им в скором времени свободу. Освободить рабов?!?! Это были не просто реформы, это была настоящая революция. Соседи по Пелопонессу в ужасе смотрели на то, как Клеомен высвобождает и накапливает силы своего народа для новой атаки на Грецию. Но не войной были страшны его революционные реформы, а такой же революцией, которая могла разгореться в соседних со Спартой странах, а оттуда распространиться мгновенно, как зараза, по всей Греции. Какой раб будет работать на своего хозяина, если в Спарте им дадут свободу? А в Греции, даже самые цивилизованные полисы, не могли себе пока позволить обходиться без рабов.

Вот потому-то стратеги Ахейского союза, ближайшие соседи Спарты, не имевшие достаточно сил чтобы сломить ее в одиночку, и продали свою веру в свободу эллинов, обменяв ее на помощь сильной Македонии. Македонский царь Антигон Досон, только и ждавший приглашения, чтобы вторгнуться в Пелопоннес, поддержал Ахейцев. Его мощная армия при поддержке ахейцев разбила еще неокрепшую армию Клеомена и восстановила в Спарте старые порядки. Там вновь появились эфоры, и жизнь потекла по-прежнему. Но, брожение в Спарте осталось. Слишком уж мощным был шок от первой революции, да и последователи Клеомена также хотели перемен. В Спарте то и дело происходили восстания илотов, обманутых в своих ожиданиях. Их топили в крови. С тех пор прошло пятнадцать лет и вот к власти вновь пришли приверженцы революционных изменений. Сейчас во главе Спарты стоял тиран Маханид. Шпионы доносили, что он готов вот-вот опять вздыбить страну.

– Ну, что же, – выдохнул Федор, закончив читать очередное донесение и прикидывая расстояние от Этолии до Спарты, – я его, конечно, понимаю. Но, если этот Маханид задумает

встать у меня на пути, придется задушить эти революционные настроения. Ганнибал их тоже вряд ли одобрит. Не время сейчас для революций.

Глава вторая «Эпир и Акарнания»

Устав читать, Федор отложил папирус и прислушался к звукам, доносившимся снаружи. Там едва затих топот копыт, и громко заржали кони, словно в гавань прибыл большой отряд всадников. Федор озадачился: он никого не ждал. Доблестный Амад, – правая рука Магарбала, тот, что командовал тяжелой конницей в африканском походе Федора и участвовал в захвате Карфагена, оставался в Бруттии. Ганнибал решил, что Чайке в этой экспедиции хватит конницы македонцев, создавших ее впервые на греческих землях, а потому достаточно опытных в этом деле. По данным разведки им предстояло иметь дело только с пехотинцами противника, ну, может быть еще с его флотом. Кроме того, в недалеком будущем ожидался прорыв Иллур со своими всадниками. Поэтому заинтригованный Федор, отложив донесения, вышел из кубрика и по скрипучей лестнице поднялся на палубу квинкеремы.

Пройдя между почтительно расступившимися при его появлении морпехами в синих панцирях и отливавших золотом шлемах, Федор оказался у борта. Оттуда, взявшись за ограждение, Чайка увидел неожиданную картину. Примерно три сотни затянутых в золотую чешую скифских всадников попытались въехать на территорию порта, но были остановлены охраной у ворот. Их никто не ждал и офицер охраны был озадачен не меньше Федора, а потому, выполняя свой долг, остановил эту небольшую армию и собрался доложить командующему о её прибытии. Начальник скифов, – рослый русоволосый боец, – разразился проклятиями и едва не полез в драку с начальником караула, но Федор вовремя вмешался, узнав предводителя конного воинства.

Словесная перепалка уже входила в завершающую стадию. Скиф, спрыгнув с коня, то и дело хватался за рукоять меча, чтобы побыстрее донести свою мысль о том, что ему нужно, во что бы то ни стало проехать в порт, до непонятливого офицера африканских пехотинцев, за спиной которого плотной стеной выстроились солдаты, готовые к драке. Затянутые в чешую всадники тоже напряженно следили за исходом переговоров, сжимая свои длинные копья.

– Спокойнее! – громко произнес Федор, приближайся к месту событий сквозь расступившихся бойцов, – мы же все-таки союзники.

– Они хотят проехать к вашему кораблю, – сообщил офицер охраны, на лице которого отразилось явное облегчение, оттого, что главнокомандующий сам появился в том месте, где больше всего был сейчас нужен, – но у них нет никаких разрешительных бумаг.

– Ничего, – обескуражил его Федор, – за этих бойцов я поручусь сам. Можете пропустить. Пусть проедут на пристань и подождут моих распоряжений.

Пехотинцы, подчиняясь приказу, нехотя расступились, пропуская всадников. А Федор, улыбнувшись, обнял их предводителя.

– Ты, как здесь оказался? – все-таки спросил он, отводя его чуть в сторону, – вот уж не чаял тебя так скоро увидеть.

– Да, понимаешь, – словно извиняясь, ответил Леха, посмотрев на своего боевого друга. – Я уже проскакал почти до самого Истра, но там повстречал запоздавших гонцов от Иллур ко мне. Прочел весточку и сразу назад повернул.

– Да ну, – удивился Федор, подбоченясь, – и что пишет ваш доблестный царь, если не секрет, конечно?

– Не секрет, – с радостью поведал Леха, рассматривая гавань, в которой кипела жизнь. – Иллур пишет, что после падения Рима, я должен еще некоторое время здесь остаться. В вашем распоряжении, так сказать. Мол, грядет новая война с греками, но там он и сам справится без

меня. А я чтобы здесь остался, вам помогал и ему сообщал, по мере сил, как дела. Встретимся, мол, уже в Греции.

– Да как же он без тебя управиться? – не удержался от ерничества Федор, разглядывая запыхавшегося от долгой скачки друга.

– Как-нибудь разберется, – на полном серьезе ответил Ларин, – не впервой. А я вот, как получил приказ, разузнал, где ты и сразу сюда.

– Ясно, – ухмыльнулся Федор, – значит, Ганнибал не в курсе.

Он помолчал немного и вновь улыбнулся, скользнув взглядом по бесконечной веренице грузчиков, что словно муравьи втаскивали тюки со снаряжением и провиантом на пришвартованные корабли, от которых было тесно в гавани Брундизия. Корпуса грузовых и военных судов заполнили все обозримое пространство. По пирсам постоянно перемещались колонны солдат. Суматоха стояла страшная.

– Ну, триста скифов, это грозная сила, – пошутил Федор, оглядывая, словно сросшихся с конями бойцов, что стройными рядами маячили сейчас у кромки пирса, мешая нормальному перемещению грузов, – без них, мы никак не справимся.

– Кончай хохмить, сержант, – усмехнулся, наконец, и Леха Ларин, хлопнув его по плечу, – скажи лучше, что мне делать? Назад что ли ехать? Вижу, не особо меня тут и ждали.

Федор призадумался. Дело выходило тонкое, дипломатическое. Он не царь, чтобы такие вопросы решать. Но, ожидать разрешения от Ганнибала тоже времени не было. Леха умудрился появиться буквально накануне отплытия. А Тарент хоть и не далеко, да только Ганнибал уехал из него недавно лично проверять свои прибрежные крепости, что отстраивалась после войны заново вдоль побережья римской Апулии, и вернется только дня через три. Ситуация получалась патовая. «Придется брать ответственность на себя, – пришел к выводу Федор, и, слегка прищурившись, посмотрел на друга, – если что не так, голову с меня снимут. Но, скифы нам союзники. Семь бед, один ответ».

– Пойдешь со мной греков бить? – заявил он, закончив размышления.

– Да хоть к черту на рога, сержант, – улыбнулся Леха, – ты же знаешь. Лишь бы без дела не сидеть.

– Ну, что же, – проговорил Федор, вновь разглядывая свою флотилию, – явился ты, конечно, вовремя. Завтра мы отплываем. Придется поискать еще один свободный корабль. А то и два, коней-то ваших тоже надо куда-то девать.

– Надо, – подтвердил Леха, бросив косо взгляд на начальника караула и его солдат, находившихся поблизости, – мы же не пехота какая-нибудь.

Приняв решение, Федор начал действовать. Он позвал к себе другого офицера, что командовал погрузкой на квинкеремы и, расспросив его, узнал все необходимое. После чего вернулся к разговорам с Лехой.

– Значит так, тебе крупно повезло, – начал он.

– А я вообще везучий, – перебил его предводитель скифов.

– Короче, – с нажимом в голосе объявил Федор. – Лошадей отведете на грузовой корабль, вон туда, ... а сами поднимайтесь вон на ту квинкерему, она еще свободна. Капитана я предупрежу. Кельты что-то запаздывают, так что сначала вас перевезут, а потом за ними вернуться.

– Все понял, – едва не откозырял Леха, – значит, я снова в деле.

– Как выгрузимся на берег, поступаешь в мое распоряжение, – закончил командующий экспедиционным корпусом напутственную речь, – будешь моим... стратегическим резервом.

– Конечно, буду, командир, – просиял Ларин, – базара нет.

Когда бородатые всадники золотистой струйкой утекли в указанном направлении, Федор ощутил какое-то удовлетворение. Македонская конница, это хорошо. Но, размышляя о предстоящем сражении, Федор, конечно, предпочел бы видеть в этом качестве скифов. Но Ганнибал ничего другого ему не предоставил, решив, что македонцев хватит с лихвой. А тут, на тебе,

скифы сами объявились, откуда не ждали. Конечно, триста человек вряд ли смогут решить исход войны, но на исход одного сражения вполне способны повлиять.

– Мы не римляне, – пробормотал Федор, направляясь к своему кораблю, – но, теперь у меня личных всадников на целый легион², не считая македонцев.

Весь остаток дня погрузка шла полным ходом. А под вечер, когда все уже было готово и войско распределено по кораблям, появились опоздавшие кельты. Ларин встретился с их вождем по имени Нордмар, рослым воином, на обнаженной груди которого блестела золотая торква. Кельт был облачен в шкуру и легко поигрывал массивным боевым топором, снесшим, надо полагать, не одну римскую голову. Выяснив, почему опоздало его войско, – оказалось, что кельты как раз выбирали нового вождя племени, – Федор сообщил ему о завтрашнем отплытии и о том, что ему придется обождать пару дней, пока за ним вернуться корабли.

Кельт не стал понимать шума, а приказал своим воинам разбить лагерь вблизи гавани, запалить костры и заняться приготовлением ужина. Тем же вечером, накануне отплытия, Федор мог наблюдать с палубы своего корабля, что кельты устроили настоящий праздник и массовую попойку. Видимо, вождь не успел, как следует отпраздновать свое вступление в должность. «Ну и хорошо, – решил про себя Федор, разглядывая огни, песни и пляски на берегу, – главное, что возмущаться не стал. А то от этих ребят можно всего ожидать».

После победы над Римом Ганнибал отдал всю северную Италию, где издавна проживали кельтские племена в их вечное владение, присовокупив к ним еще ряд земель у Адриатического побережья, примыкавших к дельте реки По. Кельты по-прежнему составляли большую часть наемников, верой и правдой служивших вождю Карфагена, но в этой экспедиции Ганнибал почему-то решил обойтись их минимальным количеством, положившись на своих африканцев и македонцев. Однако Федор ни минуты не сомневался, – случись затяжная война и долина реки По станет исправно поставлять воинов в армию Ганнибала в огромных количествах. Успокоившись насчет кельтов и отдав необходимые распоряжения начальнику порта, он отправился спать.

На следующее утро они вышли в море. Плыть до намеченной цели было не больше двух дней. А при попутном ветре и того меньше. Теперь, после победы над Римом, в плавании по Адриатике приходилось бояться только непогоды и острых рифов, а вовсе не римского флота. У греков из Этолийского союза, конечно, был флот. Но, по сравнению с объединенными силами македонцев, ахейцев, Карфагена и Сиракуз он был невелик. Афинские эскадры пока в расчет не принимались. Официально эта война к ним не имела никакого отношения, и появления афинян в Адриатике никто не ждал. Впрочем, Федор этому только был рад. Пресловутая разобщенность греков всегда играла завоевателям только на руку. Но, на всякий случай, в море уже давно несла патрульную службу эскадра Сиракуз и македонского флота.

За день и ночь в море его флот прошел немалое расстояние, миновав огромный остров Керкиру. Повернув вскоре на юг, караван направился дальше вдоль берегов Эпира к острову Левкада, что поднимался из воды вблизи берегов Акарнании. Эти сутки не принесли плохих новостей. Ветер был попутным, но не сильным.

Согласно тайной договоренности между Ганнибалом и Филиппом, местом высадки экспедиционного корпуса Чайки был выбран протяженный и почти закрытый со всех сторон залив. Одно составлявшее его побережье принадлежало некогда Эпиру, а другое, начинавшееся почти сразу за островом Левкада, считалось землей Акарнании. Повсюду сейчас здесь располагались войска Филиппа, так что высадка должна была пройти без проблем. Рассматривался, конечно, и вариант удара с ходу, то есть проникновение в Коринфский залив и высадка морского десанта непосредственно на берега Этолии, вблизи которых находились упоминаемые в местных мифах города Плеврон и Калидон, с последующим маршем к столице. Но

² Римскому легиону придавалось 300 всадников, – 30 турм по 10 человек.

Федор от этого отказался. Там можно было ожидать нападения этолийского флота, который мог осложнить десантную операцию и привести к ненужным потерям. Чайка предпочел спокойную высадку и мощную наземную операцию. А флот никуда не денется, если лишить его наземных баз. Кроме того, нужно было чем-то озадачить ахейских стратегов, чьи земли находились аккурат на другом берегу залива, напротив Этолии. Не преподносить же им победу на блюдечке. Федор вообще не понимал, как объяснить своим скифским союзникам, что вместо одного «грека» Филиппа, им вскоре предстояло дружить сразу с несколькими полисами из Ахейского союза, вместо того, чтобы просто вырубить оставшихся греков под корень. Иллур вообще мог этого не понять. Он и Филиппа-то еле терпел, для дела. Вот Чайка и решил по прибытии дать ахейцам задание терзать прибрежные земли этолийцев кораблями Ахейского союза, а свои побережья. Еще пригодятся. От этих сражений ахейцы станут слабее, что тоже на руку наместнику Ганнибала. Мало ли как жизнь повернется.

Между Филиппом и Ганнибалом была договоренность, что наземной операцией командует македонский царь, используя войско Чайки, но в деле использования союзного флота Федор мог принимать самостоятельные решения.

К исходу второго дня они были уже вблизи острова Левкада. Окончание плавания также проходило без сюрпризов. Лишь однажды на горизонте показались неизвестные военные корабли. Федор отдал приказ готовиться к бою, но к счастью его караван повстречался с эскадрой Евсида из Сиракуз, сообщившей, что этолийские корабли не рискуют показываться в этой части Адриатики, предпочитая стеречь собственное побережье.

– Ну и хорошо, – довольно ухмыльнулся Федор, попрощавшись с Евсидом, и скользнув взглядом по бесконечной веренице собственных судов, – а мы туда и не пойдем. Решим все на суше.

Когда они подошли еще ближе к берегам Эпира, Федор, разглядывая проплывавшие мимо рыбацкие деревеньки и небольшие города, вспомнил легенду о том, что именно Эпир был родиной греческих племён, откуда они расселились по всей материковой Греции и островам Эгейского моря.

Однако, сами греки эту в эту легенду не верили и македонцев даже за эллинов почему-то не считали. Так, совершенно отдельный народ, проживающий по соседству. В Эпире, находившемся сейчас под властью Македонии, греки-эллины жили лишь на побережье несколькими колониями. В центре страны в Додоне находилось, правда, известное греческое святилище, оракул Зевса. Но этим присутствие эллинов и ограничивалось.

Мало кто в Италии и Карфагене не слышал о знаменитом царе Эпира, по имени Пирр, пытавшемся захватить Рим. Но, это было уже в прошлом. Поговаривали, что Пирр хотел быть похожим на Александра Македонского, решив проложить столь же победоносный путь, но в другую сторону, на запад, захватив Рим и все остальные земли до Мелькартовых столпов. Теперь же все эти земли отошли Карфагену, включая Рим. Но за попытку Федор был ему даже признателен. В той экспедиции слоны Пирра потоптали немало римлян.

Из местного царского рода происходила и мать Александра Македонского Олимпиада, внушившая своему сыну мысль о том, что он должен захватить полмира. Александр наставления матери исполнил, захватив половину известного грекам мира, пройдя от Греции до Индии, и вернувшись в Вавилон, умер, не оставив завещания. А его ближайшие помощники-диадохи поделили между собой его наследство на несколько частей. Впрочем, в деле о наследстве Александра осталось несколько спорных моментов, которые диадохи и их потомки не могли решить до сих пор. Поэтому война на побережье Эгейского моря, Финикии, в Сирии и Египте то и дело вспыхивала и разгоралась вновь. «Впрочем, – Чайка вернул из полета и придал своим мыслям нужное направление, – так далеко нам пока не надо. У нас есть дела и поближе».

Слегка отдохнув и перекусив, Федор поднялся на палубу своей квинкеремы, которая уже входила в залив. Морпехи в синих панцирях столпились вдоль ограждений, наблюдая за сужав-

шимися берегами. На носу мощного корабля Федор заметил группу из трех офицеров, плывших вместе с ним в этот поход. Они что-то обсуждали, и оживленно жестикулировали, показывая на проплывавшие мимо горы. Один из них был капитаном корабля, впервые узнавшим Чайку перед этим плаванием. Зато двух других командир экспедиционного корпуса знал давно. Одного звали Кумах, это был рослый, крепкосбитый воин, командир африканских пехотинцев, который прошел вместе с Чайкой весь поход сквозь жаркую Нумидию к Карфагену. А второго бойца, так же отличавшегося выдающимся ростом и силой, звали Бейда. Он в том же походе заведовал осадным обозом. Обоих Федор взял с собой и в этот поход. Добираться предстояло не так далеко, как в прошлый раз, да и новое дело особых вопросов у Чайки не вызывало, но все же хотелось иметь проверенных командиров под рукой. Интуиция подсказывала новому наместнику Бруттия, что с греками надо держать ухо востро. Особенно с союзниками.

Он с удовольствием взял бы с собой еще двоих старых друзей по оружию, с которыми начинал службу, – Урбала и Летиса. Но Урбал служил сейчас в Карфагене, при штабе Гасдрубала. А вот Летиса Федор все-таки выписал в это предприятие. В последний момент он договорился о придании его экспедиционному корпусу хилиархии, в которой служил его друг. Так что здоровяк плыл сейчас на корабле тем же курсом и, возможно, еще даже не догадывался, по чьей милости он здесь оказался. Федор еще ни разу не виделся с другом, а лишь собирался сделать это по прибытии на место.

– О чем спорите? – поинтересовался Чайка, обойдя установленную на палубе баллисту и приблизившись к офицерам.

– Мы не спорим, – ответил за всех Бейда, – просто мы с Кумахом никогда не бывали в этих местах, вот капитан и рассказывает нам, что за земли перед нами. Получается, что слева от нас Эпир, а по правому борту какая-то Акарнания.

Федор присмотрелся к пейзажу, – поросшие лесом горы все теснее сжимали протяженный залив, в который втянулся уже весь караван, замыкавшийся транспортными судами. Справа по борту за кормой остался большой горбатый остров, отделенный еще одним проливом от материка. Впереди по тому же борту показался городок, несколько десятков дворов, рассеянных по склону.

– Получается так, – подтвердил он слова капитана, и, припомнив карту, добавил, – а это, вероятно, Анакторий. Значит, скоро будем на месте.

– Странные у этих греков названия, – пробормотал Кумах, разглядывая приближавшийся городок, – да и сами они...

Он не договорил, умолкнув на полуслове, словно вдруг забыл то, о чем хотел сказать.

Тем временем флагман миновал Анакторий, раскинувшийся на мысу, по обе его стороны. Берега вновь стали расходиться и взорам карфагенян открылся обширный залив у входа в который они увидели эскадру из дюжины кораблей. На мгновение все напряглись, словно ждали, что это будут этолийцы. Но, капитан, присмотревшись, успокоил Федора и остальных.

– Это македонская эскадра, – заявил он, – похоже, нас ожидает.

Македонцы проводили караван к месту назначения. Еще до темноты флот Чайки, преодолел залив и приблизился к берегу, но пристал не сразу. В дельте реки, впадавшей в этот залив, обнаружился неплохо оборудованный порт. Неподалеку на холме стоял городок со странным названием Аргос Амфилохийский, название которого Федору что-то напоминало, но лоцманы Филиппа повели караван карфагенян дальше, вверх по реке. Наконец, когда сумерки уже начали стгущаться, они достигли места высадки, высокого берега, на котором были оборудованы многочисленные пирсы. Дальше река резко мелела, и путь на квинкеремах вообще был невозможен.

– Где же это мы оказались? – подумал Федор вслух, слегка озадачившись, – уж не Ахелой³ ли это уже? Тогда этолицы отсюда уже в двух шагах.

На всякий случай, он приказал своим командирам смотреть в оба. Но, к счастью Чайка ошибся в своих опасениях. Сойдя по сходням вместе с Бейдой и Кумахом на берег, Федор получил все необходимые разъяснения от македонского офицера, встречавшего прибывший караван вместе с отрядом из сотни тяжеловооруженных всадников. Десяток из них держал факелы.

– Царь Филипп приветствует в твоём лице Ганнибала, Федор Чайка, – высокопарно поприветствовал его спешившийся македонец, облаченный в дорогой доспех, на медных боках которого играли отсветы факелов, – меня зовут Демофонт.

Услышав такое приветствие, Федору показалось, что его даже оскорбили, но Чайка не стал раздувать дипломатический скандал. Не торопясь он поправил шлем на голове и фалькату на поясе, ответив попроще и сразу переходя к делу.

– Я, Федор Чайка, рад приветствовать посланцев царя Филиппа от лица Ганнибала и от себя лично. Мы плыли дольше, чем я ожидал. Где сейчас находится царь, и где я могу разместить своих солдат на ночлег?

Федор перевел взгляд с македонцев на строения, видневшиеся за их спинами. На высоком каменистом берегу не было никакого поселения, если не считать военного лагеря. Да и тот, судя по всему, оборудован был здесь совсем недавно. Главным его достоинством было, на взгляд Федора, то, что лагерь был очень большим и способен был принять почти всех его солдат. Возможно, он и был построен специально для приема подкреплений от союзников, как перевалочный, в расчете на то, что еще не единожды этим путем они будут прибывать в Грецию. Посланник Филиппа подтвердил его догадки.

– Ты можешь разместить на ночлег все своих солдат в этом лагере, там есть все необходимое, – ответил Демофонт и добавил, – но, царь Филипп хотел видеть тебя как можно быстрее у себя в лагере, что возле Страта в Акарнании.

– Это далеко? – поинтересовался Федор, без особого энтузиазма глядя на быстро сгущавшиеся сумерки.

– К утру будем на месте, – пообещал Демофонт.

Скакать куда-то на ночь глядя по приграничному району, да еще без собственной охраны, ему совершенно не хотелось. «У меня же скифы есть, – вспомнил он с облегчением, но желания немедленно увидеться с Филиппом все равно не возникло, – хоть он царь, но пусть подождет немного. Мы тоже кое-чего стоим».

– Я должен сначала проследить за разгрузкой кораблей и разместить своих людей, – принял решение Федор, – передайте царю, что завтра утром, я прибуду к нему, как только буду готов.

Нельзя сказать, что Демофонту понравились слова командира экспедиционного корпуса, отказавшего царю в немедленном исполнении его воли, но ничего поделать он не мог, а потому смирился. Правда, скрипнув зубами.

– Хорошо, – нехотя кивнул посланник, – тогда мы останемся здесь и подождем тебя до утра. Все равно твои воины не знают дороги.

– Это подойдет, – согласился Федор, – я приступаю к разгрузке армии. А то мои слоны уже измучились от морского путешествия. Того и гляди, начнут буйствовать, а это нам совершенно не нужно.

– Много у вас слонов? – заинтересовался посланник царя, уже занесший ногу, чтобы взобраться в седло.

³ Река Ахелой брала свое начало в горах Эпира, протекала через всю северо-западную часть Этолии и впадала в море. В разные периоды истории, по некоторой ее части проходила граница с соседней Акарнией.

– Хватит, чтобы проучить этолийцев, – подпустил туману Федор, не желая ни хвастать, ни сдавать сразу всех козырей. Пусть помучаются. Пока союзники вели себя слишком заносчиво, чем только раздражали командира экспедиционного корпуса.

«Ох, и помпезные же эти македонцы, – продолжал составлять мнение о союзниках Федор, рассматривая Демофонта и его свиту в раззолоченных доспехах, – словно не на войну, а на парад собрались».

Неожиданно со стороны дальних кораблей, где уже началась разгрузка, послышался конский топот, и к месту встречи с македонцами прискакало несколько всадников в скифских доспехах. В огне факелов возник силуэт лихого кавалериста Лехи Ларина и еще пятерых бородатых копыносцев. Ларин взлетел на высокий берег первым и осадил своего скакуна, едва не врезавшись в дородного коня Демофонта. Македонцы от такой неожиданности чуть не схватились за мечи, – они знали, что у Федора не было конницы, – но, разглядев знакомые доспехи скифов, немного успокоились. И все же в воздухе опять запахло международным конфликтом. «Ну, Леха, – мысленно пожурил друга Федор, – не может без выкрутасов».

Однако не только македонцы были удивлены неожиданным появлением скифов. Сам Ларин, похоже, был поражен не меньше. Особенно, когда узнал офицера, бывшего у македонцев за главного.

– Здорово, друг Демофонт, – чуть не крикнул он, выпрямляясь в седле, – ты ли это? Жив еще, значит. Не убили тебя дарданы⁴ тогда в горах.

– Жив, – нехотя признал Ларина напыщенный македонец, по лицу которого было видно, что он совсем не рад этой встрече.

– И я жив, как видишь, – продолжил беседу Ларин, ничуть не смущаясь, что встрял в разговор двух царских посланников, – значит, снова вместе повоюем!

Македонец кивнул Федору и, не говоря больше не слова, развернул коня в сторону лагеря. Отряд тяжеловооруженных воинов направился за ним.

– Вы что знакомы? – настал черед Федора удивляться.

– Виделись пару раз, – усмехнулся Ларин, провожая взглядом отряд македонцев, – когда с Иллуром впервые в Эпирских горах оказались.

– Тогда бери своих всадников, и отправляйтесь за ними следом, – приказал Федор, – сегодня мы ночуем в этом лагере. А завтра на рассвете снова в путь.

⁴ **Дарданы** – иллирийское племя, обитавшее у северных границ Македонии. Дарданы вместе с фракийцами часто предпринимали грабительские набеги на Македонию и Грецию. Во II в. до н. э. дарданы представляли серьезную угрозу для соседей и македонские цари были вынуждены постоянно принимать карательные меры, чтобы обезопасить свои владения от таких рейдов.

Глава третья «Река Ахелой»

Однако все произошло не так быстро, как того хотел Федор Чайка. Осмотрев лагерь вместе с Демофонтом, он нашел его вполне добротным и разместил своих людей на ночлег. Впрочем, это касалось лишь воинов, которые смогли сойти с кораблей за несколько прошедших часов с момента прибытия. Это была треть пехоты и скифы, получившие своих лошадей. Но артиллерия и припасы все еще оставались на судах. Разгрузка затянулась. Посреди ночи Федор вновь вернулся на берег, выслушал доклады Кумаха и Бейды, и понял, что к рассвету его армия еще не будет готова выступить в путь. Впрочем, ничего другого он и не ожидал, погрузка в Брундизии тоже заняла не одну ночь. Приказав своим помощникам продолжать без него, Чайка вернулся в лагерь и разыскал Ларина, которого поселил неподалеку от своего шатра. Бравый конник уже вовсю дрых, не обращая внимания на царивший в лагере шум, справедливо рассудив, что ночь коротка и если понадобятся его услуги, он об этом узнает.

Федор миновал охранение из ординарцев Леха, знавшее теперь его в лицо, и приказал им разбудить своего начальника.

– Утром со мной поедешь, – сообщил Федор заспанному другу, когда тот вышел из барака, где помещались скифы с лошадьми, почесывая бороду, – к царю Филиппу в гости. Больше у меня конницы нет, с пехотинцами я за Демофонтом не поспею, а одному ехать не солидно.

– И то верно, – кивнул Леха, широко зевнув.

– На рассвете будь готов вместе со своими орлами, – закончил напутствия Федор, вставая.

– Воевать поедем или так? – поинтересовался Леха, потягиваясь.

– С царем повидаться, – ответил Федор, пожав плечами, – а там видно будет. Разгрузка все равно к утру не закончится.

Ларин кивнул и отправился обратно спать. Выходя, Федор услышал, как тот отдает короткие приказания. Чайка взглянул на небо, которое было затянуто темными облаками, скрывавшими Луну, и решил не терять больше время. «Надо и мне поспать, – решил командующий экспедиционного корпуса, – завтра, похоже, будет длинный день. А с караваном и без меня разберутся». С тем и вернулся в свой шатер, окруженный морпехами с корабля, составлявшими его личную охрану в этом походе. Помощники Федора оставались на берегу, откуда непрерывно в лагерь тянулся поток военных грузов. Когда Чайка укладывался на помпезную скамью, обтянутую тканью и набитую пухом, – мебель в его шатре, надо признать, была шикарной, и самого Ганибалла приять не стыдно, – до него донесся рев слонов. Это дошла очередь до «боевых машин» Исмека, которым был приготовлен отдельный загон в этом обширном лагере.

Демофонт сообщил, что противник от лагеря далеко, поэтому опасаться нападения не стоит, повсюду войска Филиппа. Но Чайка на всякий случай велел выставить охранение на стенах, усилив небольшой македонский отряд, имевшийся в лагере перед их приходом. Разъезды из скифов, впрочем, не стал рассылать по окрестностям, решив хоть немного поверить на слово македонцам. С тем и заснул, сняв доспехи.

Остаток ночи пролетел мгновенно, Чайке даже показалось что, он едва успел сомкнуть глаза, как наступил рассвет. Впрочем, выспался он прекрасно. Закаленный организм, привыкший по армейской привычке использовать для сна любой отпущенный судьбой промежуток времени, был доволен. Некоторое время Федор лежал, прислушиваясь к звукам лагеря и слегка потягиваясь. Но, как не хороша была мягкая скамья, а дела государственной важности требовали оторвать от нее свое расслабленное тело. День уже разгорался.

Федор рывком сел, опустил ноги на ковер, валявшийся на полу, – македонцы не поскупились, – дотянулся до кувшина с водой, стоявшего на столике, и плеснул себе в лицо для бодрости. Затем встал, кликнул ординарца и оделся.

Перекусив, тем, что еще вчера приготовлено для него на отдельном столике в шатре, – холодным мясом с овощами, сыром и хлебом, – Федор вышел на свет. Окинув взглядом окрестности лагеря, остался доволен. Повсюду кипела работа. Разгрузка артиллерии и припасов ни на минуту не прерывалась. Тюки сносили в бараки на дальнем конце лагеря, а походную артиллерию в разобранном виде разгружали неподалеку от шатра Чайки. Со своего места он мог наблюдать за ходом сборочных работ. Мастера-инженеры в серых хитонах начали сборку орудий, доставленных ночью, и пять баллист уже красовалось у входа в барак. Ядра и дротики для метания сносили в соседний барак. Походная кухня работала без нареканий, и солдаты, свободные от караульной службы, как раз принимали пищу. Тут македонцы тоже оказали услугу Федору, ускорив процесс, хотя у него и своих поваров хватало. «Пошло дело, – решил Чайка, выходя в сопровождении пятерых морпехов на берег, – может, не такой уж Филипп и плохой союзник. А что до помпезности, так у каждого, как говорить, свои недостатки».

Берег был все также заполнен народом, занятым переноской грузов, как и ночью. Повстречавшись вскоре с Бейдой, Федор выслушал доклад о том, что осадный обоз выгружен только на треть.

– Продолжай, – приказал Федор, – но, надо поторапливаться. Я сейчас уеду к македонцам на денек. Надеюсь, к вечеру вернусь. И что за новости привезу, не известно.

– Я ускорю дело с выгрузкой, – кивнул смуглолицей Бейда, – но инженерам нужно еще собрать повозки для баллист и остальных машин. Думаю, на все еще пара дней уйдет.

– Хорошо, – кивнул Федор, переходя дальше по берегу, – и все же поторопись.

Грузовые суда, на которых везли слонов, были пусты. Всего у Чайки было в этой экспедиции десять слонов. Не так чтобы много, но в качестве ударной силы для разгрома одного войска вполне достаточно. Слишком долго Федор воевать не собирался. Пока он продвигался вдоль строя кораблей, знакомясь с положением дел, его нагнал Исмек и подтвердил, что со слонами все в полном порядке. Все перенесли плавание спокойно и сейчас отдыхают. За ними хорошо присматривают, корм македонцы тоже предоставили хороший.

«Да, не может без нас Филипп, – резюмировал свои наблюдения Чайка, – силенок не хватает на всю Грецию. Очень хочет, чтобы мы за него повоевали с этими этолийцами. По всему видно».

– Молодец, – похвалил широкоплечего ливийца Федор, – отправляйся к своим слонам и позаботься, чтобы они и дальше были в полном порядке. Скоро, чуёт мое сердце, они нам сослужат хорошую службу.

Довольный похвалой, Исмек удалился в лагерь. А его место занял появившийся, словно из-под земли, Кумах.

– Вся пехота на берегу, – сообщил военачальник, затянутый в коричневые доспехи из кожи и металла, придерживая ножны фалькаты, – можем выступать хоть сейчас.

– Сейчас рановато, – осадил его прыть Федор, осматривая дальний берег реки, поросший лесом, – обоз еще не готов.

Помолчав немного, он добавил, вспомнив о кельтах Нордмара.

– Раз ты освободил корабли, отправь немедленно несколько грузовых и пару квинкерем для охраны за кельтами в Брундизий. А то они там сопьются на радостях, решив, что о них позабыли.

– Будет сделано, – слегка поклонился Кумах, на шлеме которого заиграло солнце.

Федор помолчал некоторое время, предавшись размышлениям и почесывая бороду.

– Не меньше трех дней, как ни крути, уйдет еще на общий сбор и приготовления, – проговорил он вслух, словно беседуя сам с собой, – ну, теперь мне все ясно. Можно и к Филиппу в гости пожаловать. Где там мои македонские проводники?

Он обернулся и заметил отряд помпезной конницы, уже ожидавший его у главных ворот лагеря. Чуть в стороне восседали на конях триста скифов Лехи Ларина, подавляя своей численностью македонский эскорт. «Демофонт будет, вряд ли доволен, но так-то оно лучше, – решил Федор, направляясь неспешным шагом обратно к лагерю.

– Царь ждет тебя, – напомнил Демофонт.

Когда Чайка поравнялся с конями македонцев, посланник Филиппа с неудовольствием посмотрел в сторону скифского отряда сопровождения.

– Тогда поехали, – спокойно ответил ему Федор, взбираясь на подведенного ему одним из македонцев скакуна с богато отделанным седлом, – не будем заставлять Филиппа ждать сверх меры, мы и так уже задержались.

Оказавшись в седле, Федор сделал знак Ларину следовать за ними.

– Это моя охрана, она поедет с нами, – пояснил Чайка македонскому посланнику.

– Разве не достаточно моего отряда? – обиделся Демофонт, – здешние земли не опасны.

– Конечно, – подтвердил Федор, дергая поводья, и вновь осматривая отряд македонцев, в котором насчитывалось не больше пятидесяти человек, – но граница Этолии рядом. Кто знает, на что способны ее стратеги. А я уверен, они уже знают, что мы здесь.

– Тебе ничего не угрожает, пока я рядом, – произнес с плохо скрываемым раздражением Демофонт, не спешивший на сей раз бросать своего коня вскачь.

– Благодарю, – едва сдержался, чтобы не усмехнуться Федор, – но, я привык отвечать сам за свою безопасность. Я верю в силу армии царя Филиппа, но я ведь не беру с собой всю свою. Это лишь небольшой отряд. На всякий случай.

Демофонт скрипнул зубами, поняв, что Чайку не переубедить, и дернул поводья.

– Едем.

Федор устремился вместе с ним по небольшой дороге, скорее напоминавшей тропинку. Эта дорога вела вдоль берега через подъемный мосток и, спустя десяток стадий, скрывалась в лесу, который подступал к узкому руслу реки. Проезжая мимо, Федор лишний раз убедился, что плыть по нему дальше на больших кораблях было невозможно, только на биремах. Но, спустя полчаса скачки вдоль реки, понял, что и биремы пройдут недалеко. Река очень скоро превращалась почти что в ручеек, начинавший свое течение в предгорьях. Конечный пункт плаванья каравана Чайки был выбран македонцами не случайно. Федор даже мысленно похвалил стратегов Филиппа. Лагерь в этом месте был действительно нужен, – он запирали водный путь, по которому можно было легко доставлять подкрепления из тыловых областей к месту боевых действий. Он стоял на высоком берегу, окруженный частоколом. С двух сторон лагерь огibal приток реки, служивший естественным рвом, а прямо перед воротами расстилалось небольшое озеро, – еще она естественная преграда. В общем, местность была использована отлично. Царь Македонии постарался защитить свои коммуникации на случай длительных боевых действий.

Втянувшись в лес, они скакали примерно часа два. Впереди македонский отряд и Федор, а позади три сотни скифов. Демофонт не высылал перед собой никакого авангарда, давая понять Чайке, что тот ошибся, взяв с собой большую охрану, и тем оскорбил недоверием царя. Но, Федор делал вид, что ничего не замечает, хотя и озирался по сторонам, – лес был довольно дремучий, а дорога узкой.

Вскоре местность стала более холмистой, а путь заметно круче. Дорога превратилась в тропу. Они уже давно отвернули от реки и теперь въехали в предгорья, петляя по серпантину. Несмотря на уверения Демофонта о полной безопасности, Федора не оставляло напряжение, – места для засад было хоть отбавляй. Перед самой вершиной скалистого холма, на который

они сейчас медленно взбирались, отряд так сильно растянулся, что всадники ехали по одному, зигзагами поднимаясь вверх.

«И он собирался скакать здесь ночью? – со смешанными чувствами поглядывал Федор в спину Демофонта, ехавшего чуть впереди, – он либо глупец, либо совершенно безрассуден, что впрочем, почти одно и то же».

В третий вариант, полную безопасность здешних путей, Чайка почему-то упорно не верил. К счастью подъем, над которым нависало несколько очень удобных для засады лучников скал, скоро кончился и они выехали на вершину холма. Никаких нападений не случилось.

– Где ждет нас Филипп? – уточнил Чайка, когда они остановили коней, чтобы подождать остальных. Он использовал эту возможность для того, чтобы осмотреться.

– Царь стоит лагерем у города Страт в Акарнании, – нехотя пояснил Демофонт, тоже смотря вперед, – там сейчас ставка Филиппа Македонского, куда он отошел после сражения за рекой Архелон с этолийцами.

На вершине холма леса росло меньше, и перед ними открывалась довольно протяженная панорама. Дальше путь лежал вниз, в холмистую долину, залитую светом солнца, по дну которой протекала довольно широкая река. Со своего места Федор определил, что она, хоть и широка, но не слишком глубока. Он насчитал, по меньшей мере, три брода. Кроме того, там, где река изгибалась и сужалась, также торчали скалистые уступы, в складках которых вполне можно был разместить лучников и пращников, способных поражать живую силу противника на соседнем берегу, оставаясь вне досягаемости. «Будь я на месте этолийцев, – поймал себя на мысли Чайка, – обязательно устроил бы засаду где-нибудь здесь».

– Что это за река? – спросил Федор.

– Ахелой, – ответил македонец, после длинной паузы.

– Мы будем ее переходить?

– Нет, – сообщил Демофонт, – наш путь лежит по правому берегу, вдоль реки, а затем мы уйдем опять в лес. Страт находится там.

– Значит, вся Акарнания лежит справа, – словно запоминая услышанное, проговорил вслух командир экспедиционного корпуса, – а Этолия слева?

Демофонт, молча, кивнул.

Чайка перевел взгляд на левый берег реки Ахелой. Там, вдалеке, невысокие коричнево-желтые горы и холмы заканчивались, постепенно переходя в равнину. Зато высокие горные массивы лежали слева у истоков этой реки. К счастью они шли не туда. «Получается, как минимум треть Этолии покрывают горы, – размышлял Федор, прикрыв глаза ладонью от солнца, и прикидывая где лучше биться с противником, – а половину равнина».

– Нам пора, – сказал македонец, когда весь его отряд был на вершине, – царь ждет.

Федор тронул своего коня, следом за Демофонтом, лишь дождавшись пока на вершине холма появится Ларин с первыми скифами, у каждого из которых кроме копья в руке, к седлу был приторочен колчан со стрелами, а за спиной имелся крепкий лук.

– Смотри в оба, – приказал ему Федор, – на этой реке масса бродов, а на другом берегу враги. Мало ли что.

– Не бойсь, командир, – успокоил его Ларин, – не подведем.

И пригнувшись к гриве лошади, добавил, покосившись на македонцев, уже спускавшихся вниз по склону.

– Может, с нами поедешь?

Федор отрицательно мотнул головой и еще раз проговорив «Смотри в оба», ускакал вперед, догнав Демофонта уже у подножия холма. Вскоре дорога вышла из леса на открытый берег и заструилась вдоль него, повторяя изгибы. Справа был лес, слева вода. Но леса Федор почему-то теперь боялся гораздо меньше.

Когда показался первый скальный выступ, нависавший над водой со стороны вражеского берега, Чайка с подозрением поглядывал туда до тех пор, пока отряд не миновал скалу. К счастью, обошлось без происшествий. Оказавшись на открытой дороге, Демофонт, почти не смотревший по сторонам, ускорил ход колонны и Чайка был этому только рад. «А может, я зря его подозреваю, – поймал себя на предательской мысли Федор, – он прав и нет здесь никаких опасностей? Не зря же Филипп столько времени прессовал этих этолийцев в одиночку. Он ведь отогнал их до самой равнины, как я помню из донесений разведки, и лишь потом отошел за реку. Сидят они сейчас, наверное, у своей столицы, силы накапливают, да ко встрече с нами готовятся».

Они миновали таким ходом уже полдороги, два замеченных с холма брода и ничего не произошло. Федор почти успокоился. Но, едва отряд поравнялся с третьей скалой, как с противоположного берега раздался знакомый свист и трое македонских всадников рухнули с коней замертво. Не помогли и отличные доспехи. Двоих поразили в шею стрелой, а третий умер от прямого попадания камнем в лицо. Едва взглянув на то, что от него осталось, Федор поморщился. Это было одно кровавое месиво.

– Поднять щиты! – приказал Демофонт, вынув меч, – сомкнуть ряды!

Вокруг Чайки быстро вырос защитный барьер из катафрактариев, прикрывших его от обстрела своими телами и щитами. А стрелы и камни забарабанили по ним с завидным постоянством, едва отряд оказался в зоне обстрела. Луков у македонских всадников не имелось и они ничем больше не могли ответить на обстрел из-за реки. Демофонт, похоже, ждал теперь прямого нападения. Однако, его не происходило. Потеряв еще несколько человек, он засомневался в своих действиях.

– Надо уходить, – посоветовал Федор, приглядываясь к фигуркам вражеских лучников и пращников, едва различимым на фоне коричневой скалы, – мы тут как на ладони. Никто не будет нас атаковать из-за реки. Это просто засада.

Вскоре подлетели скифы. И Федор крикнул Ларину, гарцевавшему под обстрелом.

– А ну заставь этих уродов замолчать!

Скифы, уже на ходу сдернувшие луки, послали на другой берег первую волну стрел. Потом вторую. Обстрел заметно поутих, а после третьей волны, когда со скал рухнуло в реку человек десять мертвецов, и вовсе прекратился. Брода здесь, к его удивлению, не было. И Федор хотел было отправить скифов назад, чтобы они обошли эту скалу и перебили всех, кто там находился, но передумал. Их никто не преследовал, и он решил ограничиться заградительным огнем, под прикрытием которого весь отряд благополучно миновал злосчастную скалу.

– Ну вот, – заметил он вскользь, когда опять оказался рядом с Демофонтом, – а ты говоришь не надо с собой брать охрану.

И кивнув на скифов, ехавших теперь двумя отрядами, впереди и позади македонцев, добавил:

– Пригодились.

Демофонт был вынужден кивнуть.

– До сих пор этот путь был безопасен, – едва выдавил он из себя.

– Значит, вы слишком давно не беспокоили этолийцев, – ответил Федор, покачиваясь в седле, – ну, ничего. Скоро мы заставим их понять, кто здесь хозяин.

Он не заметил, как вздрогнул при этих словах Демофонт.

Весь световой день они ехали сквозь холмистую местность. Лес, то укрывал все вокруг, то вдруг внезапно кончался, уступая место обширным открытым пространствам, на которых рос лишь кустарник. Чувствовалось, что горы поблизости.

Не успели они отвернуть от реки, как повстречали разъезд македонцев, одетых в доспехи попроще. Это был отряд легкой конницы, зато он насчитывал добрую сотню бойцов. Демо-

фонт, остановил их и отдал какое-то приказание, махнув в сторону реки. Когда отряд ускакал, подняв облако пыли, Чайка одобрительно кивнул.

– Все верно. Их стоило проучить.

Демофонт отмалчивался, не желая признавать ошибок и тем более, принимать от Федора похвалу.

Уже наступили сумерки, когда они поднялись на очередной холм, с которого им открылся вид на тонувшую в вечернем тумане долину. На дальнем краю долины из этого тумана поднимался утес, увенчанный крепостной стеной с массивными башнями. Даже с такого расстояния были заметны ворота и выезжавшие из них всадники. За стеной можно было различить скученные строения и мерцавшие огни. Такие же огни светили на стену откуда-то снизу, из тумана, словно вокруг города обитали мистические существа, способные изрыгать огонь. Но, все оказалось гораздо проще.

– Это город Страт, – сообщил Демофонт, – а у подножия стоит лагерем большая часть нашей армии.

– Поспешим, – кивнул Чайка, – Филипп, вероятно, уже нас заждался.

Пока они миновали долину, ночь уже почти вступила в свои права. Несколько раз их встречали разезды с факелами и без, но каждый раз, узнав Демофонта, пропускали вперед без лишних вопросов. Похоже, он был одним из приближенных царя Филиппа и занимал почетное место среди его лучших военачальников. Но, Федор никак не понимал, как он мог так беспечно себя вести на приграничной территории. Похоже, виной всему была обычная гордость. После знаменитого похода царя Александра, македонцы считали себя лучшими воинами во вселенной, и это мешало им признавать, что и они иногда ошибаются. И уже если им приходилось терпеть поражения, то виной всему, были, конечно, козни богов или еще что-нибудь, а никак не собственные просчеты.

Оказавшись у подножья утеса, на котором располагался акарнанский город Страт, Федор Чайка очутился посреди огромного лагеря македонской армии. Сотни палаток усеяли все прилегающие холмы и равнины. Солдат было так много, что за стенами города им просто не хватало места. Пешие и конные воины перемещались меж костров, разгонявших туман, в самом деле, как герои мифов или посланцы загробного царства.

«Да здесь тысяч пятнадцать, – окинул Чайка наметанным взглядом палатки и выстроенные в поле бараки, обнесенные частоколом, когда они ехали уже сквозь сам лагерь, примыкавший к подножию горы и служивший первым рубежом обороны, – и, если верить Демофонту, это не все македонское войско. Сколько же этолийцев выступило против Филиппа, если он с такими силами в одиночку не смог их одолеть».

– Скифы пусть останутся здесь, – заявил вдруг Демофонт, когда почти весь лагерь остался позади, – в город им пока нельзя. По приказу Филиппа туда не впускают даже конницу союзников. Я прикажу, чтобы их накормили и разместили на ночлег. На обратном пути ты забереши их.

Федор не ожидал такого поворота. Спорить он сейчас не хотел, но и сразу соглашаться со словами царского посланника, желавшего возвыситься в собственных глазах, не спешил.

– Согласен, – решил он, наконец, смерив взглядом Демофонта, – пусть будет так. Но, я возьму с собой двадцать человек. Я представляю здесь самого Ганнибала и не могу появляться перед вашим царем совсем без сопровождения.

Демофонт помедлил и нехотя кивнул.

– Хорошо.

Чайка подозвал командира скифов, коротко разъяснив ситуацию. А тот в свою очередь отдал приказ воину, который следовал за ним как тень.

– Уркун, переночуешь здесь. Остаешься за старшего, а я возьму двадцать человек и еду в город. Утром увидимся.

Бородатый опытный воин, смерил взглядом македонского всадника, что подъехал к нему в качестве провожатого по приказу Демофонта, и, молча, кивнул. Он так давно служил Ларину, что понимал его с полуслова. Уркун поднял руку и, повинаясь его сигналу, отряд скифов, от которого отделилось двадцать всадников, медленно свернул налево, вслед за македонским сопровождающим.

Следуя за Демофонтом со своим поредевшим эскортом, Чайка решил, что опасаться ему особенно не чего. Не за тем его здесь так долго ждали, чтобы убить или отравить. Сейчас от него было гораздо больше пользы от живого и невредимого. Ведь именно его руками царь Филипп намеревался выиграть предстоящее сражение с этолийцами. Поэтому он списал все эти предосторожности на прихоть македонского царя. Хотя Федор сам был не трус, но, при-
сутствии друга действовало на него ободряюще.

Попетляв еще порядком между строениями лагеря, Демофонт вывел колонну к городским воротам. Они были закрыты. Но, узнав, кто прибыл, охрана немедленно отворила массивное сооружение, впуская в город Демофонта и представителя Ганнибала. Не знавший сна город Страт встретил Федора Чайку, немного утомленного скачкой, воплями пьяных солдат и криками женщин, за которыми они гонялись по улицам. Несмотря на то, что прибывшие порядком опоздали с выполнением царского приказа, Демофонт вел коня шагом по извилистым улочкам вверх, похоже, решив, что торопиться уже ни к чему.

Вскоре, однако, их путь закончился. Они подъехали к большому каменному особняку с колоннами и внутренним двором, выстроенному в греческих традициях, и принадлежавшему раньше кому-то из видных отцов города. Вокруг особняка располагалось множество пеших и конных солдат, часть из них держала в руках факелы. Не останавливаясь, Демофонт беспрепятственно проехал прямо в главные ворота. Чайка и скифы последовали за ним. У правого крыла дома виднелся отряд всадников, тоже человек двадцать. Это были греки, но их доспехи отличались от македонских даже при свете факелов.

– А это кто такие? – спросил Федор, у которого появилось странное предчувствие, что не только он спешил на совет к македонскому царю, – наши союзники?

– Да, это люди Филопемена, – ответил македонец, в словах которого сквозило едва заметное презрение, и милостиво пояснил, на случай если Федор не в курсе, – стратега Ахейского союза.

Глава четвертая «Царь Филипп»

К большому удивлению Федора немедленно провели к царю. Проведя весь день в седле, и прибыв в ставку македонцев поздно вечером, почти ночью, Чайка рассчитывал хотя бы немного отдохнуть. А, кроме того, и перекусить. Проголодался он зверски, а небольшая стычка у реки только добавила ему аппетита. Приступать же к стратегическому планированию, по его мнению, нужно было только на свежую голову. Однако, македонский царь, видно, так долго его ждал, что не в силах был подождать еще немного до утра. Поэтому, едва отряд скифов появился во дворе особняка, а Демофонт обменялся парой фраз с другими офицерами Филиппа, как сообщил Чайке, что совещание состоится немедленно.

– Царь хочет видеть тебя сразу же по прибытии, – объявил Демофонт, слезая с коня, – я провожу.

Федор едва не спросил, дадут ли для начала поесть, но сдержался. Да и возражать не стал. Он, все-таки солдат. А значит, сначала война, а потом уже еда и сон. Конечно, слабая надежда еще была, что благоразумие возьмет верх и Филипп перенесет совещание на утро. Но для этого требовалось все же встретиться с самим царем.

Перекинувшись парой слов с Лехой, Федор понял, что его друг пока не горит желанием общаться с царем македонцев.

– Еще успеем, – проговорил Леха, хитро подмигнув своему другу, – ты там пока без меня займись дипломатией. Я это дело не очень люблю.

Чайка оценил тактичность своего друга, вспомнил выражение лица Демофонта после встречи с предводителем скифов, и не стал настаивать, хотя Леха и был, по воле случая, представителем своего царя в предстоящей кампании.

– Ну, тогда жди меня здесь, – ответил Федор и добавил, уже не очень уверенно, – я не долго.

Оставив скифскую охрану во дворе, Федор поднялся, придерживая ножны фалькаты, по широкой лестнице вслед за Демофонтом на второй этаж. Жили здесь богато, о чем свидетельствовали мраморные ступени и статуи античных героев вдоль парадной лестницы. Подобно статуям на той же лестнице рассредоточилось немалое число охранников. Тяжеловооруженных пехотинцев здесь было так много, что у Федора возникло ощущение, будто Филипп собрался выступать в поход немедленно. Двое рослых пехотинцев на последней площадке лестницы по знаку Демофонта отворили перед ним створки массивной двери и впустили в зал.

– А вот и посланец Ганнибала! – приветствовал его царь Филипп, изобразив радушие на лице, хотя Федор и не очень верил этому слащавому выражению. В глубине души Филипп предпочел бы в одиночку властвовать в Греции, но это ему пока не удалось, несмотря на все усилия. Приходилось искать союзников.

Филипп был среднего роста, бородач и широкоплеч. Имел, небольшой шрам на щеке, не слишком портивший его античный профиль. Умные и властные глаза, смотревшие на собеседника недоверчиво-изучающее, словно все время ожидая подвоха. Раззолоченные доспехи подчеркивали его крепкую мускулистую фигуру.

– Ганнибал шлет тебе пожелания удачи в предстоящей войне, – ответил в свою очередь Федор, подражая велеречивости македонян, и слегка поклонился. – Прошу простить, что не смог быть раньше. Со мной приплыла армия, и я должен был разместить ее на постой, отправив часть кораблей за новыми солдатами.

Услышав о новых солдатах, Филипп улыбнулся уже искренне.

– Тебе понравился лагерь, что мы выстроили специально для нее? – тут же спросил Филипп, скрестив руки на груди.

– Да, лагерь большой, – похвалил Федор, – и место выбрано удачно.

Македонский царь стоял у небольшого овального стола, на котором была разложена карта Греции с прилегающими морями и островами, искусно изготовленная на куске тончайшей кожи. Свет в зале давали факелы, висевшие в специальных кронштейнах на стенах и несколько подсвечников на самом столе. Зал же был небольшим, метров тридцать. Честно говоря, поднимаясь по столь богато отделанной лестнице, Федор ожидал увидеть нечто гигантское и парадно украшенное, но был приятно удивлен скромностью зала для совещаний. Эта встреча произошло вполне «по-деловому», – кроме стола и нескольких скамеек, здесь не было ничего лишнего. Разве что колонны по углам и пара статуй из мрамора со щитами и мечами в дальнем конце зала, дополнявшими внутреннее убранство. Да и людей, к удивлению Чайки было мало, – считая Демофонта, царя и его самого, у стола расположилось шесть человек. Не было также ни вина, ни яств. Поймав голодный взгляд Чайки, Филипп истолковал его верно и поспешил успокоить посланца Карфагена.

– Знаю, ты устал с дороги, Чайка. Но, наш друг Филопемен должен по делам службы отбыть сегодня же ночью назад в Ахайю. Поэтому я решил повременить со сном.

– Нет ничего важнее войны, – кивнул Федор, оглядывая нескольких военачальников, стоявших у стола, – выспаться я еще успею.

– Кстати, – завил Филипп, жестом приглашая Федора приблизиться и указывая на широкоплечего грека с некрасивым лицом и слегка искривленным носом, стоявшего слева от него, – вот и он сам.

Федор кивнул в ответ на молчаливое приветствие Филопемена, быстрым взглядом изучив внешность собеседника. Первое впечатление было скорее хорошим, чем плохим. Этот стратег показался Федору достаточно умным и хитрым, для той должности, которую занимал. Кое-что в его внешности, впрочем, свидетельствовало о том, что стратег часто впадал в гнев. Закончив свои краткие наблюдения, Федор спросил напрямик, входя в роль начальника ахейского флота и обращаясь сразу к обоим.

– И что заставляет Филопемена отбыть так быстро?

– Флот этолийцев⁵, до сих пор стоявший у своих берегов, пересек залив и совершил грабительское нападение на Патры, – ответил Филопемен, и правый глаз его дернулся, – город осажден. Я должен вернуться в Ахайю, чтобы отразить нападение.

– Они осмелились напасть на чужое побережье, зная, что мы здесь? – не поверил своим ушам Федор, – не слишком-то они нас боятся. Значит, это демонстрация силы.

Он обвел взглядом присутствующих и произнес, отдавая первый приказ своему новому подчиненному.

– После того, как отгонишь флот этолийцев от Патр, твой флот должен совершить ответный набег на побережье Этолии. И, еще лучше, также высадить десант и осадить какой-нибудь город. Например, Навпакт.

– У Навпакта сосредоточены главные морские силы этолийцев, – ответил медленно ахеец.

Филопемен, впервые видевший Чайку, слегка напрягся, когда тот повел себя перед Филиппом как главнокомандующий. И Федор, поняв это, осекся на полуслове. Хотя такая договоренность имела между Филиппом и Ганнибалом, но здесь, на совете, озвучена она еще не была. Чайка поднял вопросительный взгляд на царя македонцев, скользнув взглядом и по лицам его военачальников, которым также не пришлось по нраву излишняя самостоятельность гостя. Впрочем, царь, казалось, этого не заметил.

⁵ На самом деле, как такового, постоянного флота у этолийского союза не было. Но мы пошли на это допущение, поскольку жанр альтернативной истории допускает подобные отклонения от фактов.

– С этого дня Филопемен, весь твой флот в распоряжении Федора Чайки, – объявил во всеуслышание Филипп, и добавил, с явным удовольствием, – а обе ваши армии в моем. Так что перейдем к обсуждению наступления.

– Сколько дней может занят это сражение? – все же осмелился продолжить разговор с ахейским стратегом Федор.

– Думаю дня три, не больше, – нехотя ответил грек, – этолийцы пришли не воевать, а грабить, как всегда. Когда они получают отпор, то долго не задержаться.

Федор удовлетворенно кивнул.

– После победы, приведешь свой флот обратно к берегам Акарнании, – взял, наконец, в свои руки главенство в разговоре царь македонцев, в голосе которого впервые звякнул металл, – если не получишь до той поры новых приказов. Потом и решим, как быть дальше на море. А сейчас нам нужно обсудить, как разбить армию этого проклятого Агелая, который не дает мне покоя уже так долго.

Федор посмотрел на карту, нашел на ней цель своего путешествия – город Ферм, – предполагавшийся не так уж далеко от того места, где он сейчас находился и уточнил диспозицию.

– Сколько людей у этолийского стратега?

Прежде чем ответить, царь македонцев сделал царственный жест в сторону Филопемена и произнес:

– Ты можешь идти.

Поклонившись царю македонцев, Филопемен смерил на прощанье Чайку пристальным взглядом, и вышел. «Послал бог подчиненного, – подумал при этом Федор, – сам стратег и командовать хочет. Но, ничего не попишешь, друг Филопемен, придется повоевать не только во славу Греции, но и во славу Карфагена».

Филипп, между тем уже вешал о новом наступлении и том клубке проблем, в который сплелись отношения в Греции между союзами и отдельными полисами. О политике Федор слушал вполуха, лишь кивая головой, – слишком устал он за день, да и донесений уже начитался, был в курсе, – но, когда дело дошло до выступления войск «проснулся».

До вторжения Филиппа в Эпир и Акарнанию силы этолийского союза, разбросанные по всей территории, насчитывали около двадцати пяти тысяч пехоты и сорока двух кораблей в коринфском заливе, не считая гарнизонов нескольких городов. Конницы у них, в отличие от македонцев, было не много, а ту, что была, – меньше тысячи человек на весь союз, – Филипп высмеял. Однако Федор позволил себе усомниться в этих словах. Из донесений своих шпионов он знал о том, что мастерство этолийской конницы признавалось как в самой Греции, так и за ее пределами. Этолийские конные наемники служили даже в Египте. Но, «ставить на вид» македонскому царю, он не стал. Опасное это дело. В одном Филипп был прав, как бы ни были хороши этолийские всадники, их было мало. Большинство же эллинов вообще не признавали конницы, а зря.

А вот насчет порядков, царивших в пехотных частях, данные Филиппа и Чайки почти совпадали. Этолийцы, хоть и были неробкого десятка, выведенные в боях правила греческого военного искусства признавать не хотели. Доходило до того, что они не желали даже строить перед боем настоящую пехотную фалангу, не говоря уже о том, чтобы укреплять походные лагеря, выставлять дозоры и вообще подчиняться какой-либо дисциплине. Ну а если этолийцам представлялся случай заняться мародерством, то они его ни за что не упускали, наплевав зачастую даже на военные действия. В общем, в армии этолийского союза царил разброд и шатание. Федор только диву давался, как этот Агелай умудрялся держать в узде такую армию и еще выигрывать сражения. Просто батька Махно, не иначе. Филипп старался уверить Чайку, что разбить такую рыхлую армию не составит труда. Однако, Федор не слишком в это верил. Парадоксов на земле не мало. При такой убогой военной организации союз жил уже больше сотни лет и, прожил бы еще столько же, не случись на его пути Федора Чайки. Теперь же, раз

их пути пересеклись, Федор за будущее этолян не ручался. Были на его пути враги и покруче. Были да сгнули.

После нескольких сражений этолийцев с македонцами Филиппа, в строю их армии осталось не более пятнадцати тысяч. Но и македонцы понесли большие потери. Стратег союза Агелай, оказался не так уж плох и отправил на встречу с богами больше семи тысяч македонцев, охладив их пыл. Захватив побережье реки Ахелой и, проведя еще несколько стычек, в основном в горных районах страны, царь счел за благо отступить до подхода подкреплений союзников.

Легкой победы у Филиппа не получилось, до осады городов дело не дошло, но теперь он горел желанием одним мощным ударом пробить брешь в обороне этолийцев на главном направлении, совершить марш-бросок и захватить Ферм, столицу союза, считая, что после этого союз перестанет существовать. У Федора этот план вызывал некоторые вопросы, поскольку кроме Этолии, самого большого полиса, в него входили и многие другие. При необходимости каждый мог выставить дополнительное ополчение, хотя, конечно, по отдельности, они не смогли бы противостоять объединенному натиску армии союзников под командой Филиппа. Но, кроме армии, были и вопросы другого плана. В Этолийский союз, например, входила Фокида с общегреческим святилищем в Дельфах, уже лет семьдесят находившимся под защитой и управлением этолийцев. Нападение македонцев на святыни, вряд ли усилит дружеские отношения к их царю со стороны остальных эллинов, с которыми он пытался заигрывать. Впрочем, Филипп не вчера родился и отлично знал об этом. Подумав, Чайка решил, что македонский царь вряд ли пойдет на их разграбление, даже если ему придется захватить Дельфы силой. Насколько Федор понимал своих союзников, эта война только начиналась. А где она закончится, каждый из союзников представлял по-своему. Так или иначе, начать предстояло с Этолии, у западных границ которой они сейчас находились.

– Пользуясь временным затишьем, Агелай сейчас спешно проводит набор среди народов, что живут на дальнем краю территории союза, – в тон его мыслям вещал Филипп, водя по карте рукой, – локры озольские, часть акарнанов, амфилохи, доряне, энианы, малияне и этейцы, – все они уже давно называют себя этолянами и живут по указаниям синедриона.

Филипп посмотрел в глаза Федору, сделал паузу и продолжал.

– Их синедрион уже давно принял решение о войне и мира не просит. Зато, узнав о скором подходе войск Ганнибала из Италии, активно ищет союзников на стороне. Мне доносят шпионы, что они почти договорились с Афинами о помощи.

– Сюда может подойти афинский флот? – озадачился Чайка, не ожидавший что это сухопутное столкновение перерастет и в широкомасштабную войну на море.

– Пока не ясно, – ухмыльнулся Филипп, распрямив спину, – купленные мною политики, разжигают спор в афинском совете, пытаюсь убедить остальных, что дружить со мной намного выгоднее, чем воевать. Возможно, флот останется на месте. Но, гарантировать этого пока не могу.

Вновь склонившись над картой, царь резко провел рукой по ней от точки, обозначавшей Страт через половину территорию Этолии, вдоль большого озера, и остановил свой указующий перст у надписи «Ферм».

– Время терять нельзя, – объявил царь, обводя взглядом своих военачальников, – у Агелая сейчас не больше пятнадцати тысяч пехоты, разделенной на две неравные части. Одна, около пяти тысяч пехотинцев рассредоточена неподалеку за рекой Ахелой, чтобы сдерживать нас в случае наступления и дать возможность основной армии подготовиться. Главная армия находится здесь, у озера, на подходе к столице, прикрывая направление основного удара по равнине. Пока этолийский стратег не собрал большого подкрепления, мы ударим внезапно. С прибытием Чайки у нас насчитывается почти тридцать тысяч человек, не считая флота. Этого вполне хватит, чтобы уничтожить противника и не дать ему отойти в горы.

«Столько же у тебя было и раньше, – невольно поймал себя на мысли Федор, – пока ты один их пытался утихомирить».

Филипп расправил плечи и посмотрел на своих военачальников сверху вниз, словно ожидая восхищенных возгласов.

– Мы выступим завтра, – продолжил он, – форсируем Ахелой и разобьем передовой отряд этолийцев.

Услышав о сроках наступления, Федор едва не крикнул.

– Но, моя армия еще не готова, – слабо возразил он, – понадобится, как минимум три дня, чтобы прибыли оставшиеся солдаты из Италии и время, чтобы добраться сюда. Дорога, по которой мы добирались, непригодна для быстрой переброски армии и артиллерии. Это может занять еще несколько дней.

– Именно на это я и сделал расчет, – самодовольно ухмыльнулся Филипп, снисходительно поглядывая на посланца Ганнибала.

Федор в недоумении воззрился на полководца, ожидая продолжения.

– Их разведчики знают о твоём появлении и уверены в том, что я буду ждать полного соединения с твоей армией, а до тех пор не тронусь в путь, – тоном победителя объявил Филипп, – Агелая эта мысль понравится, ему же нужно время собрать ополчение.

Царь македонцев пришел в такой восторг от своей мысли, что даже отделился от стола с картой и сделал несколько шагов вдоль него, погрузившись в предвкушение скорой победы.

– Мой удар будет внезапным. Мы пробьем заслон этолийцев и начнем терзать армию Агелая, не вступая в генеральное сражение. Хотя и постоянно давая понять, что готовы к нему. Уверен, Агелай постарается уклониться от него, и будет отступать до самой столицы.

– А если он все же пойдет на это сражение? – вставил слово Чайка.

Македонский царь отмахнулся от этих слов, как от неуместных, и продолжал развивать свою мысль.

– Это внезапное наступление даст возможность мне захватить все земли вплоть до побережья. А когда мы окажемся неподалеку от Ферма, где будут сосредоточены основные силы этолийцев, твоя армия успеет подойти незамеченной, оказавшись в тылу у Агелая.

Видимо уловив выражение крайнего недоумения на лице, – Федор никак не мог себе представить, как именно можно подобраться незамеченным к городу, вокруг которого находятся войска, – Филипп разъяснил.

– Для этого ты пойдешь скрытно, другим путем. Демофонт укажет тебе перевалы, через которые вы сможете быстро преодолеть горы и зайти Агелая в тыл.

Услышав, что из лагеря есть более удобный путь, чем та убогая тропинка, по которой они пробирались на встречу с македонским царем, Федор немного повеселел. До этого он с трудом представлял, как ему переправить по ней целую армию и артиллерию в сжатые сроки. Каждый поворот этой дороги предоставлял противнику отличную возможность для засады. «Впрочем, что это я, – пожурил сам себя Федор, вспомнив собственный боевой опыт, – я же прошел с Ганнибалом через Альпы, что я теперь сам что ли армию не проведу через эти холмы? Конечно, проведу, учителя у меня были не из худших».

Вспомнив о делах давно минувших дней, Федор ненадолго утерял нить разговора, настолько яркими они были. Ведь тогда Федор Чайка был всего лишь одним из тысяч морпехов Карфагена, отправившихся в поход на Рим. «Много воды утекло, – усилием воли Федор заставил себя встряхнуться, – но, пора и о настоящем подумать».

– Сколько у тебя слонов? – вывел его из задумчивости вопрос царя, внезапно сменившего тему.

– Что? – переспросил Федор, которого все сильнее клонило в сон, – а...десять.

– Десять африканских слонов, – повторил вслух Филипп, словно хотел насладиться каждым словом, – не много, но для одного хорошего удара хватит. Конницы у Агелая нет, однако слоны и сквозь пехоту протопчут мне дорожку.

Сказав это, македонский царь ухмыльнулся от собственной шутки.

– Кровавую дорожку. Этолийцы запомнят надолго, как идти против меня.

Он помолчал еще немного.

– Для усиления твоей армии, на которую будет возложена задача обходного маневра и удара в тыл, я придам тебе конницу под командой Демофонта, – сообщил Филипп, – полторы тысячи всадников. Этого будет достаточно, чтобы у тебя появился быстрый передовой отряд и возможность маневра в бою. Себе я оставляю еще две с половиной тысячи катафрактариев. Имея столько всадников, мы сможем постоянно терзать армию союза и, в конце концов, разорвать ее на части.

– Посланец Ганнибала привел с собой скифов, – вставил слово Демофонт, до той поры хранивший молчание.

«Ох, и любишь же ты их», – чуть не сказал вслух Федор, бросив косой взгляд на Демофонта и едва сдержавшись. Но Филипп, похоже, разделял мнение своего гиппарха⁶.

– Ты привел скифов? – с удивлением переспросил Филипп, – разве царь Иллур уже здесь? Мне сообщали, что его войска лишь недавно покинули Истр, осадив Мессембрию и Апполонию.

– Нет, – отмахнулся Федор от такой перспективы, – царь Иллур все еще там, вероятно. Со мной лишь небольшой отряд его всадников, триста воинов.

И добавил со значением:

– Во главе которых стоит его кровный брат Алексей Ларин.

Филипп нахмурился еще больше, словно имя это было ему известно, но приятных воспоминаний не доставляло.

«Леха что, и этого знает? – не поверил своим глазам Федор, – вот ведь, действительно, везде поспел». Македонский царь ничего больше не говорил, а уточнять, так ли это на самом деле Федор не стал. Вместо этого, начальник экспедиционного корпуса постарался перевести разговор в другое русло.

– В моей армии одна пехота, – пояснил он, как бы извиняясь, – а эти триста воинов, все-таки добавят мне быстроты и возможности для маневра. Кому, как не македонцам, знать, что такое конница.

Он чуть было не сказал «хорошая конница», но не стал терзать большое самолюбие македонцев. Ведь именно их великий предок Александр сделал из вспомогательной конницы главную ударную силу в сражении. Скифы же осознали, что жизнь в степи без коня это не жизнь, так давно, что еще и Александр не родился на свет. Но, Федор был здесь не для того, чтобы устанавливать справедливость и промолчал.

– Ты прав, – неохотно признал Филипп, поглаживая свою бороду в задумчивости, – но, у тебя еще есть флот. И, если что-то пойдет не так, он нам тоже понадобится. Объединив наши корабли с ахейскими, мы сможем блокировать залив и Этолию с моря.

– Если только Афины не придут им на помощь, – не удержался Федор.

– Думаю, до этого не дойдет, – отмахнулся Филипп, – разбив этолийцев на суше, передо мною откроется путь в глубину Греции. А по суше до Аттики совсем недалеко. Так что, жители Афин, скорее всего, проявят благоразумие и предоставят этолийцев мне.

«Ого, – только и подумал Федор, – вон ты куда замахнулся. Царь всея Македонии и Греции. Не торопись. Поживем, увидим, как тут все повернется».

⁶ Гиппарх – начальник конницы.

Филипп, между тем, вновь обвел военачальников своим тяжелым взглядом и неожиданно объявил:

– Совет закончен. Завтра утром армия выступает в поход. А ты Федор, отправляйся к себе в лагерь и тоже готовься. Демофонт прибудет к тебе через несколько дней с последними новостями о наших успехах.

«Ну, наконец-то, – выдохнул Федор, у которого уже давно свело желудок от голода, – с этой войной и поесть, некогда».

– Сейчас же, по обычаю мы можем отпраздновать этот великий день.

Царь сделал знак и один из военачальников открыл дверь в соседний зал, в котором Федор разглядел огромный стол, ломившийся от всевозможных яств и кувшинов с вином. Издав счастливый вздох, Федор проследовал за всеми, подгоняемый чувством жажды и волчьего голода.

Впрочем, усталость быстро взяла свое. Подняв несколько чаш за здоровье царя и процветание Македонии, и выслушав вдвое меньше ответных тостов, Федор быстро захмелел. Чтобы не заснуть прямо здесь, он отпросился у Филиппа на ночлег и получил разрешение. Сам же царь, позвав наложниц и музыкантов, похоже, собрался пировать до утра.

Чайке предоставили апартаменты в том же особняке, Леху с солдатами хотели отправить в казармы, находившиеся в паре кварталов отсюда. Но, Федор напомнил Филиппу о том, что Ларин представитель царя Иллуря. При упоминании этого имени Филипп вновь слегка нахмурился, но зато Лехе тоже нашлось место в особняке. В примыкавшей к дальнему крылу здания пристройке.

Глава пятая «Два перевала»

Когда кельты с шумом и хохотом закончили выгружаться с кораблей, собравшись на берегу в пеструю толпу, Ларин жестом подозвал к себе Нордмара и приказал не размещаться надолго в лагере.

– Пусть твои люди немного отдохнут, – сообщил он, щурясь от неяркого рассветного солнца, – и выступаем. К вечеру этого дня мы должны быть далеко.

– Мои люди могут и не отдыхать, – ответил на это Нордмар, – если надо, мы готовы выступить хоть сейчас. Плавание на кораблях для нас уже отдых.

Кельтский вождь, облаченный в шкуру, стоял перед Федором, опершись на исполинский боевой топор, и поблескивал своей золотой торквой. Выглядел он действительно отдохнувшим и Федор решил воспользоваться выносливостью этих солдат. Да и Филипп уже прислал Демофонта с конницей. Так что больше Чайку ничто не удерживало от начала похода в Этолию.

– Ну, раз так, – довольно кивнул Федор, посмотрев на своих военачальников, обступивших его со всех сторон, – тогда покидаем лагерь немедленно. Исмек, готовь своих слонов.

Огромный лагерь, в котором и так жизнь не затихала ни на час, вскоре загудел, как развороченный улей. Первыми его покинула македонская конница и скифы под командой Ларина. До перевалов, которые им предстояло вскоре преодолеть, Федор рассчитывал на конницу, как на авангард и разведчиков, которые смогут предупредить опасность. А может быть, учитывая их численность, даже остановить. Атаки в тыл он пока не ожидал, а потому все кельты и пехота Кумаха, в полном вооружении, спейра за спейрой, покинули лагерь. Где-то среди них находился Летис, которого Федор еще так ни разу и не видел, занятый государственными делами, но обещал себе хотя бы поговорить с другом при первой же возможности.

Следом за африканской пехотой устремился осадный обоз, перевозивший полевую артиллерию, инженеров и землекопов. В арьергарде вышагивали слоны и целая хилиархия морских пехотинцев, прибывших на кораблях. Федор решил побережь свою ударную силу на случай внезапного нападения. Надежды на слонов в этой экспедиции возлагал не только он, но и сам Филипп.

Часть кораблей, в основном грузовые, Федор отправил назад в Италию. Весь военный флот он оставил здесь на случай боевых действий. Лишь из предосторожности разделил его, откомандировав половину судов назад к открытой воде в Аргос Амфилохийский, где они встали на якорь рядом с македонской эскадрой. На большинстве кораблей морпехи остались, хотя их численность и уменьшилась вдвое, поскольку остальных Федор взял с собой в поход. На морпехов, остававшихся на кораблях у лагеря, командующий экспедиционным корпусом возложил и его охрану. Для этих целей он даже разрешил, в крайнем случае, снять баллисты с кораблей. Чайка надеялся, что этого не потребует, но на войне произойти могло все. Конечно, македонцы давно захватили эти места, но, кто знает, на что пойдет стратег этолийского союза. А этот лагерь стал теперь основной базой армии Федора Чайки и он не мог оставить без надежного прикрытия тыловые коммуникации.

На этот раз путь Чайки лежал гораздо левее того места, где они впервые увидели течение реки Ахелой. Они завернули не так круто, чтобы двигаться в направлении ее истоков, которые находились где-то позади, в Эпирских горах, но и форсировать реку им теперь придется примерно в паре сотен километров выше по течению. Македонская конница быстро оторвалась от основных сил, и полдня от них не было никаких известий. Лишь к вечеру, когда холмы стали переходить в скалистые горы, прибыл гонец от Демофонта. Он сообщил, что оба перевала, через которые армии предстояло пройти вглубь территории Этолии, уже в зоне видимости.

Эта новость порадовала Чайку, но Демофонт пока ничего не сообщал о том, свободны ли эти перевалы от противника и сколько еще до них добираться. Ведь вторжение Филиппа уже началось и первые новости с фронта, привезенные Демофонтом, хоть и были победными, но слегка озадачили Федора, который по-прежнему продолжал получать сведения от собственных шпионов. Если отбросить всю браваду македонцев, то новости были такие. Филипп форсировал Ахелой сразу в нескольких местах согласно своему плану на следующее утро, но был немедленно атакован на одной из переправ этолийской конницей. К счастью собственная конница у него имелась в достаточном количестве, и враг был отброшен.

Не дожидаясь окончания переправы все своей армии, Филипп, которому разведка доложила о солдатах противника, обнаруженных в соседней долине, немедленно отправил вперед авангард из двух тысяч пехотинцев, чтобы расчистить дорогу. Главный путь во внутренние земли Этолии лежал через эту долину.

Прибыв на место, македонцы столкнулись с ожесточенным сопротивлением этолийцев, встретивших их градом дротиков и камней из пращи, поскольку все склоны были усыпаны заградительными отрядами. Даже просто передвигаться по дороге было опасно. Главные же силы этолийцев, против обыкновения все же выстроили фалангу, перегородив путь. Однако, едва завидев противника, отступили без боя к дальнему концу долины. Македонцы, решив, что враг бежит, пустились в преследование, но настигнув этолийцев в узком месте, угодили в засаду. На них с обеих сторон обрушились пехотинцы почти смешав и без того разрозненный строй. С большим трудом македонцам удалось организованно отступить, оставив на поле боя убитыми больше трехсот человек. Долина осталась за этолийцами.

Филипп пришел в бешенство. К тому моменту разведчики донесли ему о наличии обходных путей по соседним долинам, оставленных этолийцами без присмотра или под небольшой охраной. Закончив переправу, царь сам возглавил конницу и, совершив обходной маневр, окружил, а затем выбил этолийцев из долины, по которой проходила главная дорога. Бой был жаркий, но македонцам удалось опрокинуть и рассеять противника повсеместно. Все, кто не погиб, бежали, а македонская армия устремилась в прорыв, вскоре втянувшись по двум соседним долинам в предгорья у Ахелоя. Пройдя почти сотню километров по этой местности и не встречая больше сопротивления, Филипп почти достиг равнинной части. Но здесь, в последнем ущелье, его вновь ожидала этолийская армия, на сей раз, заблокировав единственную возможную дорогу через перевал.

Согласно последним сообщениям от Демофонта, отправленного после этого к Федору, Филипп должен был уже взять этот перевал и спускаться на равнинную часть Этолии, где уже ничто не сможет его остановить. Узнав об этом, Чайка в лице Демофонта поздравил Филиппа с победами, но про себя подумал, что перевалы еще нужно взять. Стратег этолийцев Агелай прекрасно понимает, чем ему грозит прорыв македонцев на оперативный простор и постарается задержать их там как можно дольше.

«Неизвестно еще, что с нашими перевалами, – озадачился Федор, давая команду на ночлег в предгорьях, – мы до них еще не дошли. А если у Агелая хоть как-то поставлена разведка и он знает о нашем выступлении, то уж догадается, куда мы идем. И попытается преградить путь. Иначе ему придется туго».

Ночевка прошла без приключений, хотя и не очень удобно было разбивать лагерь на склонах гор для такого количества людей и животных, но поход есть поход. Подняв свои войска на рассвете, примерно к полудню они были под перевалами. Македонцы, бывшие здесь раньше, сообщили, что путь свободен.

– Либо я чего-то не понимаю, – пробормотал Федор, разглядывая впереди седловину невысокого перевала и скалистые уступы, покрытые снегом, сквозь которые петляла дорога, – либо этот Агелай не так прозорлив, как я себе представлял, и наше выдвижение осталось для него тайной. Что ж, тем хуже для него и всего этолийского союза. На войне, как на войне.

Первыми на перевал взобрались скифы, приняв его охрану у македонцев, двинувшихся ко второму перевалу. Минуя вместе с пехотинцами Кумаха перевал, Федор невольно залюбовался царившей вокруг красотой. Снег искрился под голубыми небесами, на которых не было ни облачка. День выдался ясный. И, хотя для скрытного продвижения Федор предпочел бы непогоду, укрывшую их низкой облачностью, он против воли радовался этой красоте.

– Если эти этолийцы и второй перевал не перекроют, – поделился с ним своими мыслями Кумах, – то мы так беспрепятственно дойдем и до Ферма.

– Твои слова да богам в уши, – усмехнулся Федор и сам слегка озадаченный бездействием этолийцев.

Возможно, Филипп своим мощным наступлением действительно связал все их главные силы в одном месте, и стратег союза решил не расплыться на два фронта. Либо он вообще еще не знал о втором фронте. И такое было возможно. Хотя и удивляло Федора, – как можно не знать свои горы? Да этолийцы здесь каждую лазейку должны были знать и перекрыть заблаговременно, ведь информация о прибытии войска Карфагена у них точно была. «Не настолько же они глупые, чтобы дать нам соединить армии и ожидать победы в открытом бою», – размышлял Федор, ехавший на коне впереди пехотинцев Кумаха и рядом с ним самим, также восседавшим на лошади.

Когда путь их пошел вниз, он все пристальнее присматривался к тому, что творилось на втором перевале и дороге, ведущей к нему. Но, это было не так просто, поскольку путь уходил глубоко вниз, в безжизненную долину, где петлял среди камней. И все же Федор смог рассмотреть отряд скифов, скакавших впереди. Впрочем, скоро они скрылись за поворотом, исчезнув из виду. Одной из особенностей этой долины был ее крутой изгиб, который начинался в самой середине, сразу за скалой выступавшей слева и нависавшей над дорогой. Чайка с подозрением покосился на эту скалу, место было удобное для того, чтобы обстрелять отряд или спустить на проходивших по дороге камнепад. Деваться им было все равно некуда. Однако, по этому пути без потерь уже проехали все македонцы, а за ними и скифы, что вселяло в Федора некоторую уверенность. И все же...

Едва он миновал ту скалу, и колонна пехотинцев стала изгибаться, словно коричневая змея, как за его спиной раздался грохот и свист от падающих камней. Скала задрожала, несколько огромных валунов, прокатившись по ее склону, сорвались вниз и рухнули на головы несчастным пехотинцам, мгновенно превратив их в кровавую лепешку. Федор осадил коня и сделал знак остальным пехотинцам прекратить движение, ожидая новых обвалов и стараясь не обращать внимания на стоны раненных.

– Лучники к бою! – раздался рядом окрик Кумаха.

Несколько шеренг солдат сдернуло луки, развернувшись в сторону скалы и присев на колено. Другие выполнили этот маневр стоя. Но, команды пускать стрелы не последовало. Кумах медлил. Федор тоже напряженно вглядывался в наверхие скалы. Поначалу он решил, что этолийцы решили отсечь конницу от пехоты и разбить их поодиночке. Однако, образовавшаяся насыпь была не настолько велика, чтобы полностью остановить продвижение войска. Нужно было спустить еще, как минимум два или три таких оползня, чтобы перегородить долину на достаточно длительный срок. Но, ни нового камнепада, ни атаки солдат противника не последовало. Чайка вообще не заметил наверху никакого движения. Колонна пехотинцев так и застыла, разорванная в одном месте этим нелепым камнепадом, придавившим, по меньшей мере, человек пятьдесят.

– Что думаешь? – спросил Федор у подъехавшего командира африканцев, не отрывая взгляда от скалы.

– Не знаю, – честно признался тот, – было похоже на атаку.

– Вот и я не верю, что ни упали сами собой, – кивнул Федор, прикрывая глаза ладонью от солнца, чтобы получше рассмотреть вершину скалы, – однако, больше нет никакого движения. Разве, что боги помогли в этот раз этолийцам.

– Ну, – усмехнулся Кумах, – если это все, на что способны греческие боги, то этолийцев их заступничество не спасет. Мы с ними быстро расправимся.

Остановившаяся колонна простояла на месте минут двадцать, но ничего больше не произошло, и Федор, приказав убрать раненых и убитых с дороги, решил двигаться дальше. С осторожностью африканская пехота миновала этот изгиб долины, и втянулась на предперевальный взлет. Закинув щиты за спину, солдаты с трудом переставляли ноги в кожаных сандалиях по слегка притоптанной каменной насыпи, служившей здесь дорогой. Когда они были уже на полпути к перевалу, Федор оглянулся назад и заметил слонов. Огромные животные двигались друг за другом, управляемые опытными погонщиками. Кроме погонщиков, слоны несли еще «полезную нагрузку», – в походном строю у каждого на спине был приторочен какой-то тюк. Оружие или части разобранных баллист, не поместившиеся на телеги. Там же мелькали и повозки с артиллерией. Подтягивался осадный обоз.

Вскоре навстречу Чайке прискакал, выбивая искры из камней, небольшой отряд скифов с посланием от кровного брата Иллура. Второй перевал тоже был свободен. Македонцы уже отправились вниз, чтобы еще сегодня успеть проверить брод. Река Ахелой находилась, если Федор правильно помнил карту, совсем недалеко от второго перевала. В конце длинного извилистого спуска.

– Ушам своим не верю, – произнес Федор, поправляя шлем на голове, и усмехаясь, – путь свободен. Неужели боги так сильно любят нас, что решили даровать победу даже без боя?

– Может и так, – кивнул ему Кумах, осматривая окрестные скалы, – во всяком случае, когда войско переправиться на другой берег больших преград на нашем пути уже не будет. Если только мы не решим перенести войну с равнины опять в горы.

– В любом случае, ночевать сегодня мы уже будем у переправы, – проговорил довольный Федор, и, обернувшись назад, добавил, сделав широкий жест рукой, – эти горы останутся позади. А дальше нас ждет равнина. И горе Агелая, если он так глуп, что не попытался нас остановить.

Чайка был рад известию, но по давней привычке не делить заранее шкуру неубитого медведя решил немного подождать с празднованием. «Вот разобьем армию Агелая, возьмем Ферм, пустим на дно моря флот этолийцев, – рассуждал он, после небольшой передышки вновь взбираясь на коня, – вот тогда и попируем с Филиппом, он это дело любит, да и я не откажусь».

Однако, несмотря на то, что последний перевал, одеявший их от долгожданной долины, они прошли абсолютно свободно, что-то не позволяло Чайке поверить в окончательную глупость этолийского стратега. Судя по прежним донесениям, армия у него была, конечно, не из самых лучших и дисциплина хромала, но это не помешало ему прежде отбить все атаки Филиппа. Македонский царь, несмотря на все свою мощь и опыт, не смог в одиночку одолеть это «ополчение крестьян», как он его презрительно называл. Факт, впрочем, оставался фактом. Агелай наверняка знал, что в Акарнании высадилась армия Карфагена, и должен был перекрыть перевалы заблаговременно, как он это сделал на главном направлении. Пробился ли Филипп на равнину, до сих пор было неизвестно. Гонцам ехать в обход было далековато, быстрее было наладить связь, уже спустившись в долину. Но, связь сейчас не слишком волновала Федора, – план наступления был обсужден заранее, и каждая из армий имела свою задачу.

Покачиваясь в седле, Федор наблюдал, как его колонна петляла между скалистых отрогов, спускаясь к реке. Вокруг быстро темнело. Перевалы располагались довольно близко друг к другу, и все же одного дня было мало, чтобы спокойно миновать их. Чайка решил на переход сквозь второй, чтобы не ночевать в долине, где их могли запереть. Сумерки почти превратились в ночной мрак, когда слоны преодолели седловину, а обоз растянулся по обе части пере-

вала. Федору пришлось продолжить движение, не зажигая огней, хотя это было и опасно. Враг мог оказаться поблизости.

Македонцы, которыми командовал Демофонт, вели себя так независимо, словно были отдельной армией, хотя и подчинялись в этом походе Федору. На этот раз Демофонт тоже увел своих людей вперед и, пользуясь тем, что день еще не окончился, беспрепятственно переправился на другую сторону, благо броды он знал. Скифы, шедшие следом, остановились на этом берегу, чтобы подождать основную колону.

Прибыв уже затемно к берегу реки Ахелой, оказавшейся на первый взгляд в этом течении более широкой и глубокой, Федор был вынужден заночевать там, где остановился. В узком ущелье, над которым со всех сторон нависали скалы. Его армия, передовой отряд которой скупился у воды, растянулась на несколько километров почти до самого предперевального взлета.

– Место для ночевки не лучшее, – сообщил Федор, собравшимся на берегу военачальникам, – но, выбирать не приходится. Кумах, выставь мощную охрану здесь у реки и вдоль осадного обоза. Пусть телеги выстроят так, чтобы было удобней защищаться от нападения. Солдаты пусть спят вполглаза. Костров не разводите. Пищу готовить можно, лишь как рассветет. После того и начнем переправу. Броды нам известны. Македонцы с той стороны прикроют нас от всяких неожиданностей.

Последние слова Федор сказал не очень уверенным тоном, поскольку и сам не был убежден, что македонцы ведут себя осмотрительно. Но выбора у него не было, поэтому оставалось сделать то, что зависело только от него. Он так и сделал. Получив приказ, Кумах, Исмек и Бейда, разошлись по своим местам, исполняя волю командования.

После долгого перехода армия должна была хорошо отдохнуть и поесть, но Федор решил отложить трапезу до рассвета. В противном случае вся дорога к перевалу покроется кострами, и это феерическое зрелище будет видно отовсюду. А Чайка предпочитал, чтобы противник, как можно позднее смог лицезреть всю его армию. Однако, не успели его уставшие и голодные солдаты устроиться на ночлег среди камней, как Федор сам заметил множество костров на другой стороне реки. Это македонцы спокойно готовили себе ужин, ничуть не заботясь о маскировке.

– Этот Демофонт решил неверное, что они невидимы, – проговорил Леха, приближаясь к шатру главнокомандующего, разбитого в сотне метров от пологого берега.

– Или, что бояться больше нечего, – ответил Федор, стоявший у входа в ожидании начальника скифов, с которым хотел обсудить план утренней переправы.

– Мои разведчики видели несколько человек на склонах гор, – ответил на это Ларин.

– С этой стороны реки? – напрягся Федор, напряженно всматриваясь в мигающие огни костров, с которыми он уже ничего не мог поделать.

– И здесь и там, – пояснил Леха, постукивая плеткой по своим мягким кожаным сапогам, – перевалы они почему-то не закрыли, но за нами наблюдают, командир.

– Значит, все-таки не боги, – пробормотал Федор себе под нос, вспомнив о камнепаде в долине.

– Ты о чем, командир? – не понял его Леха.

Но, Чайка ответить не успел. На другом берегу раздался грохот падающих камней и душевраздирающие крики огласили долину реки Ахелой. Несколько костров погасло, а много других заволочло пылью.

– Да вот об этом, – просто ответил Федор, – сегодня днем такая скала рухнула в долине на моих пехотинцев. Меня чудом не зацепило.

Услышав грохот и крики на другом берегу, солдаты в лагере на этой стороне реки позабыли по сон и схватились за оружие. Выхватив мечи, они сгрудились у платок, ожидая нападения, но здесь пока все было тихо. Зато с той стороны водной преграды вслед за камнепадом

поднялась невообразимая суматоха. Не успела пыль опуститься на камни, как Федор увидел мечущиеся тени и звон оружия. Там сражались конные и пешие.

– Похоже, наш друг Демофонт атакован, – заметил на это спокойно Ларин, и уточнил, сжимая плетку, – что будешь делать?

– Подожду некоторое время, – спокойно ответил Федор, – раз у него хватило ума развести костры ночью у переправы на вражеской территории, значит, хватит ума и отбиться. Сил у него достаточно. Не думаю, что на него напала вся армия этолийцев. Ну, а если что пойдет не так, поможем. Хотя соваться ночью вброд я не хочу.

Ларин одобрительно кивнул, ведь именно он отвечал за разведку брода через Ахелой.

– Пожалуй, ты прав. Вода доходит лошадям до брюха, а пешим почти по грудь будет. Если кого снесет на глубину, ночью половина просто утонет.

Поэтому они, молча, продолжили созерцать драку на другом берегу, которая, как и предвидел Федор, вскоре прекратилась. Ожесточенная схватка закончилась победой македонцев, вытеснивших этолийцев с берега или полностью уничтоживших этот отряд, рискнувший, наконец, атаковать авангард армии Федора. Шум на том берегу прекратился, но костров больше никто не зажигал.

– Думаю, Демофонт теперь до рассвета не сомкнет глаз, ожидая повторения атаки, – рассудил Федор, – ну, а нам, приняв меры предосторожности, можно и поспать. Утро уже скоро.

– Ты уверен? – на всякий случай уточнил Ларин.

– Уверен, – ответил Чайка, к которому только что прибыло двое посыльных из дальнего конца колонны, – осадный обоз никто не атакует, охрана выставлена. Сотне твоих бойцов приказываю патрулировать растянувшийся фронт армии, на случай возможного нападения. Остальным спать. Если что случится, мы услышим это немедленно. А если нет, завтра утром нас обязательно попытаются атаковать снова. Так что, вздремнуть надо по любому. День был тяжелым.

Леха не стал больше спорить. Отправившись к расположению скифов, он немедленно отрядил сотню бойцов в караул, а сам лег спать прямо на камни, подстелив под себя лишь теплый плащ.

Остаток ночи пошел спокойно и с рассветом берег покрылся огнями, – кашевары готовили еду, чтобы накормить утомленных солдат перед новым днем пути. Пока солдаты насыщались и отдыхали, Чайка получил доклады от командиров о том, как прошла ночь, и посматривал на другой берег, где македонцы собирали лагерь. Ночной бой, похоже, выдался жестоким. Чайка разглядел, как бойцы Демофонта переносят убитых в сторону. Их счет шел на десятки. Он заметил так же, как большой отряд, человек триста катафрактариев, устремился в ущелье на разведку. Демофонт больше не хотел неожиданных нападений, которые, к счастью этой ночью не повторились. Остальное войско оставалось на берегу, ожидая начала переправы карфагенян, не торопившихся выступить. Этолийцев было не видно.

– Ну, пожалуй, пора и нам за дело, – решил Федор, перекусив горячей похлебкой и копченым мясом вместе со своими солдатами.

Он позвал Ларина и приказал.

– Выступай первым. Отправишь вперед сотню солдат, остальные останутся здесь до окончания переправы. Покажешь где брод. За тобой двинется пехота, слоны и обоз. Те, кто выйдет на другой берег, сразу же двигаются дальше за македонцами. Разведываешь обстановку на другой стороне и сообщишь мне, если от Демофонта новостей долго не будет. Я переправлюсь последним.

– Ясно, командир, – кивнул Ларин и, хлестнув коня, поскакал к воде.

Вскоре первые воины в чешуйчатых панцирях, с притороченными к седлу луками и колчанами стрел, поглядывая по сторонам, устремили своих коней в бурный поток. Вода действи-

тельно доходила коням почти до брюха. Скифы вошли в нее двумя отрядами, метрах в двадцати друг от друга, указывая два возможных пути по каменистому дну реки.

Река на утро показалась Федору еще шире, чем вчера. Первые всадники едва успели достичь противоположного берега, над которым нависали поросшие лесом скалы, а последние скифы еще были на середине реки. Вслед за ними, ощупывая дно, в воду вошли первые пехотинцы копейщики. Держась по двое, а то и по трое, поддерживая друг друга против силы течения, они стали переправляться на другую сторону. Осмотрев еще вечером пологие берега реки, Федор решил не задерживаться здесь для постройки наплавных мостов, хотя инженеры и рабочие для этого у него в обозе имелись. Решил форсировать эту водную преграду с ходу. Не такой уж опасной она здесь была. Однако река, – не мощеная дорога, скорость передвижения армии резко снизилась. Кроме того, Федор с опаской посматривал на безмолвные пока скалы, ожидая всего.

Когда солнце прошло зенит, на другой берег беспрепятственно переправилась почти половина его воинов. В воду втянулся осадный обоз, впереди которого шли слоны. Огромные животные фыркали, поднимая фонтаны брызг и поблескивая медным кольцами, которыми были окованы их бивни. На спине каждого находилась сейчас боевая башня, в которую Федор приказал на время переправы посадить лучников и копейщиков. Река широкая, мало ли что могло произойти.

Повозки с разобранной артиллерией, казавшиеся на берегу неподъемными, здесь то и дело всплывали. Коварное течение пыталось утащить их вниз по реке. И солдатам приходилось постоянно бороться с течением, возвращая повозки назад, чтобы армия не осталась без баллист.

К этому времени с другого берега «приплыл», – Федор не рискнул бы сказать, что он прискакал, – гонец от Демофонта с сообщением, что македонцы в конце прилегавшей к реке долины натолкнулись на засаду из пехотных соединений этолийцев и приняли бой. О том, кто победил, гонец ничего не сообщал. Но, раз Демофонт не просил помощи, значит, собирался справиться своими силами.

– Передай Демофонту, – наказал он гонцу, даже несколько успокоенный тем, что противник, наконец, пусть и с опозданием, но проявил себя, – как только армия переправится, сразу же двинемся следом за ним. Так что он вскоре может рассчитывать на подкрепления.

Гонец направил коня в воду и вскоре затерялся среди массы пехотинцев, слонов и повозок, запрудивших течение реки Ахелой. Когда большая часть армии была уже на том берегу, но шесть слонов и обоз еще плескались в воде, из-за поворота показалась большая флотилия лодок. Наблюдавший за переправой с прибрежного холма Федор разглядел, что среди них было пять бирем, груженных солдатами. Остальные плавсредства напоминали с виду простые рыбацкие лодки, в которых разместились лучники и копейщики.

– Ну, вот и к нам гости, – наигранно обрадовался Федор, понимая, что сейчас его армия в самом невыгодном положении, чтобы отражать атаку с воды. В глубине души он давно ждал чего-то подобного, но все же надеялся что успеет переправить всех до появления противника. Не успел.

Жестом Чайка подозвал к себе сотника скифов, остававшихся на этом берегу и указав на быстро приближавшиеся лодки, отдал приказ.

– Как только подойдут ближе, ты должен осыпать их стрелами. Только своих не побей. Если понадобится, можешь пустить людей в воду.

Сотник тряхнул бородой и ускакал. А вдоль берега вскоре выстроилась цепочка конных скифов, изготовивших луки для стрельбы. Пехотинцы, которым подходила очередь вступать в воду, остановились, заметив приближавшегося противника. Но, в этот момент с перевала послышались крики. Обернувшись, Федор заметил конный отряд этолийцев, появившийся со стороны перевала.

– Зажали с двух сторон, – подумал он вслух, пытаясь сосчитать всадников, стремительно приближавшихся к хвосту обоза, еще не успевшего войти в воду, – ну, ничего, отобьемся.

Всадников было человек сто, не больше, но Чайка подумал, что разведка Филиппа не слишком точно оценила количество этолийской конницы. Либо против него бросили недавно сформированный резерв. Правда за ними виднелись и пехотинцы, – легковооруженные солдаты, с криками бежавшие вслед за атакующей конницей. Сколько их спустилось с перевала, пока было не ясно.

К счастью, на этом берегу у Чайки оставалось еще почти восемьсот пехотинцев из последней хилярии, что прикрывала обоз с тыла. И двести скифов. С такими силами он рассчитывал в этом узком ущелье остановить врага, сколь бы силен он ни был. Место позволяло. Однако, удар с суши и моря был одновременным. На реке лодки с этолийцами также стремительно приближались к медленно дрейфующему поперек течения обозу. С них же начался обстрел беспомощных пехотинцев, которым пришлось прятаться за повозками. К несчастью лучников в воде было мало, в основном копейщики. Время для удара противник выбрал идеально, решив видимо наверстать упущенное время.

– Ай да Агелай, – похвалил его маневр Чайка, наблюдая за действиями пехотинцев Кумаха, которые уже выстраивались поперек узкой долины, чтобы встретить конницу этолийцев, – молодец. Ну да ничего, и не таких видали. Сил у меня, похоже, все-таки больше.

Конница врубилась в ряды африканских пехотинцев почти одновременно с тем, как корпус первой биремы врезался килем в повозку, опрокинув ее. Чайка наблюдал за сражением сразу на двух фронтах, то и дело посылая указания командирам, хотя они и без того свое дело знали.

На воде его солдаты все же были в более невыгодном положении. Конечно, скифы встретили приближавшиеся лодки этолийцев градом стрел, но те, прикрываясь щитами с небольшими потерями быстро достигли места переправы. Здесь они обрушились на обоз, уничтожая артиллерию и охранение из пехотинцев по всей ширине реки. На глазах Чайки несколько массивных лодок столкнулось с повозками, перевернув или повредив их своими килями. А видневшихся из воды солдат, либо просто давили, либо расстреливали в упор лучники или добивали длинными копьями копьеносцы. Пехотинцы Кумаха проявляли чудеса храбрости, уворачиваясь и, умудряясь давать отпор из воды. Федор видел, как они закололи и сбросили вниз много легковооруженных этолийцев. В двух местах им даже удалось взобраться с телег на лодки и захватить их, перебив всех этолийцев. И все же потери от первого удара были ощутимые. Проскочив первый ряд, лодки атаковали второй. И здесь ситуация повторилась. Особенно большой урон наносили массивные биремы с высоким бортом, которые давили телеги как скорлупки. На них было много солдат, прикрывавшихся щитами и почти недоступных для ударов снизу.

Когда строй на переправе смешался, скифский военачальник бросил сотню своих солдат в воду. Воины в панцирях смогли настичь несколько лодок, занятых в сражении, и атаковали их своими длинными копьями. Такого Федор еще не видел, чтобы всадники воевали против кораблей. Однако скифы умудрились на мелководье перехватить пять небольших лодок, проходивших ближе всего к этому берегу и перебить всех, кто на них находился, копьями или стрелами.

– Вот это да, – восхитился Федор умению скифов, – просто, молодцы. И на суше и на море от них есть толк. Интересно, как там дела у македонцев с их хваленной конницей.

Однако следующий этап сражения заставил его позабыть про скифов, которые и с другого берега попытались проделать то же самое. Ларин, уже вернувшийся из небольшого разведывательного рейда, лично повел скифов в воду, где под его командой они уничтожили еще три небольших лодки.

На самой середине реки, куда не всегда доставали стрелы, две биремы этолийцев атаковали слона. Одна на полном ходу врезалась в животное, со спины которого отстреливались лучники. В воде слон был не так поворотлив и, увернувшись по приказу погонщика от одной биремы, подставил бок под удар другой. Небольшой, но достаточно массивный корабль, на борту которого находилось человек восемьдесят этолийцев, с разгону наскочил на животное и ударил его своим высоким носом в бок, свалив в воду. Все, кто был на нем, полетели в волны реки. Слон взревел так, что его было слышно на обеих берегах, пытаясь подняться, но с высокого борта биремы его тут же постарались добить. Десяток длинных копий вонзился в беззащитное брюхо слона, а лучники били в упор, стараясь попасть в глаз. Вода окрасилась кровью обреченного животного, а окрестности огласились победными воплями этолийцев.

С языка Федора, в бессильной злобе наблюдавшего за этим избиением собственной армии, слетали только проклятия. Потеря слона, еще не принявшего участия ни в одном сражении, это был серьезный удар. Но этолийцы, похоже, вознамерились удвоить успех. Проредив первую линию из переправлявшихся солдат и повозок, одни вскоре достигли второй. Но здесь все солдаты обоза и даже слоны успели подготовиться к бою. Когда бирема, смертельно ранившая одного слона, устремилась на другого, погонщик был готов. Более того, он действовал вместе с еще одним погонщиком в паре. Два слона, развернувшись, ждали нападения. И, когда, после перестрелки лучников, бирема устремилась на таран к ближнему животному, стремясь повторить маневр, слон повернулся и, взревев, ударил ее бивнями в борт у самого носа.

То, что произошло в следующие мгновения, удивило даже Чайку, не раз видевшего сражения с участием слонов. Африканский исполин, подцепил бирему бивнями, приподнял ее над водой и опрокинул на бок. Обескураженные солдаты этолийцев полетели в воду. В этот момент второй слон атаковал опрокинутую бирему и, растоптав тех, кто был в воде, разметал солдат противника, цеплявшихся за опрокинутое судно. Он в ярости вращал бивнями, разрывая на части и раскидывая по воде изувеченные тела этолийских пехотинцев, попадавших на его пути. А с его башни лучники и копейщики довершали разгром команды биремы. Подоспевшие пехотинцы из охранения обоза быстро добились тех, кто пытался выбраться из-под удара бивней и копыт двух разъяренных слонов.

Однако это была единственная крупная «морская» победа. Остальным биремам удалось уйти, пробив себе путь сквозь вторую линию, нанеся ощутимый ущерб артиллерии. Утешало Федора только то, что и его солдаты смогли оказать сопротивление в столь невыгодном положении, уничтожив с десяток мелких лодок и даже одну бирему. Главной потерей был, конечно, слон. Его раны были столь большими, что Федор уже не сомневался, что тот не выживет. Хотя погонщики и пытались заставить его подняться, но слон бесформенной тушей лежал на мелководье, слабо подергивая конечностями.

К тому моменту, как скоротечный морской бой подходил к своему концу, драка на суше только разгоралась. Легкая конница этолийцев, попытавшись с ходу опрокинуть охранение обоза, врезалась в плотные ряды тяжеловооруженных и хорошо организованных пехотинцев. К счастью, это были не новобранцы. Таких Федор с собой вообще не взял в эту кампанию. Эти опытные африканские воины видели на своем веку немало врагов и с честью выдержали удар. Конница, потеснив несколько первых шеренг, вскоре увязла в них, не имея возможности продвинуться дальше.

Да и доспехи этолийцев оставляли желать лучшего. Копейщики из первых шеренг легко поражали всадников, пробивая их своими копьями. Вскоре Федор, переместивший теперь все свое внимание на сушу, заметил как один исполинского роста воин, отбив щитом удар этолийского копья, ответным ударом фалькаты отсек державшую ее руку. А затем и вовсе сбросил обреченного всадника с коня, едва не повалив саму лошадь. Это произошло после того, когда всадники этолийцев прорвались в середину строя, оставив за спиной разорванные шеренги копейщиков.

Что-то до боли знакомое привиделось Федору в умении этого бойца драться. Он стоял впереди своей спейры и лихо размахивал фалькатой, вселяя ужас во врагов и смелость в своих солдат. Спустя мгновение, Федор уже не сомневался. Это был Летис, сокрушительным ударом ссадивший с коня еще одного легковооруженного всадника. Спустя полчаса такой битвы, атака конницы полностью захлебнулась. Потеряв больше половины своих воинов, разбитые остатки этолийских всадников отступили за порядки своей пехоты.

Воодушевленные успехом товарищей по оружию на воде, этолийские пехотинцы теперь сошлись в бою с пехотой карфагенян. На сей раз это были тоже тяжеловооруженные гоплиты, но удача была на стороне солдат Кумаха. Опрокинув конницу, они перешли в наступление. Их удар был столь мощным, что вскоре нападавшие этолийцы вынуждены были отступить в сторону перевала. Отбив нападение Чайка не отдал приказа остановить преследование, которое могло затянуться. Он жаждал отмщения за потери, понесенные на переправе, ведь на суше он мог добиться большего.

Так и случилось. Неполная хилиархия, в которой служил Летис, при поддержке скифов теснила противника до самого перевала и там разбила его окончательно, рассеяв и обратив бегство. Благо, атаковавший отряд этолийцев был лишь немногим больше по численности оставшегося на берегу охранения обоза. Но, в бою это превосходство быстро растаяло. Африканцы дрались успешней, усеяв всю долину трупами этолийских гоплитов, надеявшихся прижать к реке и уничтожить остававшихся на этом берегу солдат. Но, не вышло.

– Уничтожить всех, кого сумеете догнать, – приказал Федор, когда к нему прибыл гонец с донесением, что противник показал спину, – этим также займутся скифы.

Бегущего в беспорядке противника скифские всадники преследовали до самого перевала, нанизывая на свои длинные копья и поражая стрелами в спину. Уйти смогли лишь немногие конные воины, а пехота полегла полностью. Первое сражение с этолийцами состоялось. Нельзя сказать, чтобы Федор был доволен всеми его результатами, но полная победа на суше хоть немного подняла ему настроение.

– Теперь нас хотя бы никто не атакует в спину, пока будем переправляться, – проговорил он себе под нос, глядя как победившая хилиархия организованным строем возвращается к реке, – все на ту сторону, а то уже скоро настанет вечер. Задержались мы здесь.

Когда он сам въехал в воду на коне в числе последних, покидавших берег, его негромко окликнул знакомый голос. Обернувшись, Чайка заметил изможденного, но довольного Летиса, рассекавшего воду, словно волнолом впереди своих солдат. Шлем его был немного сдвинут на затылок, а со лба струился пот. На доспехах виднелось несколько свежих отметин от ударов этолийского копья и меча. Но в целом здоровяк выглядел таким, каким Федор и привык его видеть.

– Приветствую нашего командующего, – не слишком громко, чтобы не быть фамильярным проговорил Летис, ухмыльнувшись.

– И я рад тебя видеть, – ответил Федор, подъезжая чуть ближе, – извини, раньше не было возможности с тобой поговорить. Да и сейчас не лучший момент.

– Ничего, – кивнул Летис, – война длинная. Еще успеем.

Сделав еще несколько шагов по каменистому дну, он спросил.

– Это ты меня сюда вытянул? Я как узнал, кто командует походом, сразу заподозрил.

На этот раз кивнул Федор.

– Союзников у нас теперь много, но мне нужны свои надежные люди в этом походе, на которых я могу положиться всегда.

– Ну, – не упустил случая похвалиться Летис, – на мою спейру ты можешь положиться. Да и на всю хилиархию тоже.

– Я видел, как вы сражались, – похвалил его в свою очередь Федор, вызвав у Летиса прилив законной гордости, – словно львы. И конница вам не страшна.

– Это верно, – отозвался Летис, – бойцы у меня, что надо. Так что, если подвернется какое-нибудь особенно опасное предприятие, посылай нас. Не прогадаешь.

– Учту, – Федор невольно усмехнулся.

За то время что они не виделись, его друг ничуть не изменился.

Вскоре показался противоположный берег реки Ахелой и друзья расстались. Чайка подъехал к ожидавшим его Кумаху и Ларину, а Летис проследовал со своей хилиархией вперед. Этот долгий день подходил к концу, и нужно было решать, что делать дальше.

Глава шестая «По равнинам»

Переправившись на другой берег, командующий экспедиционного корпуса, выслушал доклады от своих командиров о потерях и оценил ущерб, нанесенный внезапной атакой этолийцев на арьергард и растянувшийся по реке обоз. Горевать было о чем.

Этолийские лодки, уже давно скрывшиеся за излучиной реки, уничтожили почти полностью шесть баллист и еще пять лишили важных деталей, уплывших вслед за ними по течению. Солдаты из последних сил обшаривали дно в поисках балок и упоров, но смогли к вечеру «укомплектовать» лишь три баллисты из разбитых. Две остальные продолжили путь в виде запчастей. Начальник осадного обоза был в ярости и просил у Федора разрешения лично казнить этолийцев, которых удалось захватить в плен. Их вытащили на берег охранники обоза и скифы, чудом не растерзав на месте.

– Позволь, я убью этих ублюдков? – наседал на Федора смуглолицый ливиец, хватаясь за подвешенную к широкому поясу фалькату, – они превратили в дрова почти четверть моих орудий, которые не сделали еще ни одного выстрела.

– Остынь, – приказал ему Чайка, – это я виноват. Не предусмотрел нападения по воде.

А когда Бейда все же перестал сжимать резную рукоять смертоносного оружия, добавил.

– Потеря баллист радует меня не больше, чем тебя. Но это война. И мы потеряли всего лишь орудия. Оставшихся орудий нам хватит, чтобы разгромить врага. А, кроме того, у тебя есть толковые инженеры. Они отремонтируют орудия при первой же возможности. Ты лучше скажи, сколько людей погибло?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.